

очарование

ДЖО ДЕВЕРЛИ

Рискованное
приключение

Семья Маллоренов

Джо Беверли

Рискованное приключение

«Издательство АСТ»

1997

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Беверли Д.

Рискованное приключение / Д. Беверли — «Издательство АСТ»,
1997 — (Семья Маллоренов)

ISBN 978-5-17-136599-8

Юная леди Эльфлед Маллоран отправилась на сомнительный, хотя и роскошный маскарад инкогнито – под видом красотки полусвета. Но рискованное приключение неожиданно бросило девушку в бурю страсти – ибо именно на маскараде повстречала она мужчину своей мечты. Его обаянию невозможно противостоять, его власти нельзя не покориться, но любовь к этому мужчине грозит обернуться трагедией. Ведь он – граф Уолгрейв, заклятый враг семьи Эльфлед...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-136599-8

© Беверли Д., 1997

© Издательство АСТ, 1997

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	18
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	51
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Джо Беверли

Рискованное приключение

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Jo Beverley
SOMETHING WICKED

Перевод с английского *Ф. Сазановой*

В оформлении обложки использована работа, предоставленная агентством Fort Ross Inc.

Печатается с разрешения Berkley, an imprint of Penguin Young Readers Group, a division of Penguin Random House LLC.

© **Jo Beverly Publications Inc., 1997**

© **Издание на русском языке AST Publishers, 2021**

Глава 1

Лондон, июль 1762 года

– Я буду скучать по тебе. – С блестящими от сдерживаемых слез глазами, леди Эльфлед Маллоран шагнула в широко раскрытые объятия своего брата-близнеца.

– Ну, кое-что изменилось, – грубовато заметил тот. – Год, проведенный дома, не прошел для меня даром.

Капитан лорд Шонрик Маллоран отправлялся в путь с официальной миссией и по этому случаю был облачен в парадный мундир. Аккуратный черный бант стягивал сзади напудренные волосы.

Эльф была одета в белое, расшитое незабудками платье. Рыжеватые пряди, прикрытые кокетливым кружевным чепчиком, отсвечивали золотом.

Даже сейчас их сходство бросалось в глаза.

– Жаль, что ты уезжаешь так далеко, – посетовала она. – Новая Шотландия¹! Пройдут годы...

Он нежно прижал палец к ее дрожащим губам:

– Мне уже случалось подолгу отсутствовать. Скоро твоя жизнь снова войдет в привычную колею.

Недовольно поморщившись, она вывернулась из его рук:

– Только не начинай проповедовать о преимуществах замужества.

Шон улыбнулся и посмотрел на жену, которая тактично ждала у дверей холла, занятая беседой с их братом маркизом Ротгаром.

– Мне брак пришелся по душе, а у нас с тобой много общего.

«Так ли это?» – чуть не спросила Эльф, но на выяснение столь сложных вопросов уже не оставалось времени.

– В таком случае придется опять рассмотреть всех претендентов, – небрежно заявила она и добавила, поддразнивая:

– Если, конечно, мои преданные братья не разогнали наиболее достойных.

– Свояк свояка видит издалека, – подмигнул он. – Пора отправляться. – Однако не двинулся с места, хотя карета, запряженная шестеркой нетерпеливых лошадей, ожидала у крыльца.

– Иди. Ненавижу долгие прощания. – Быстро поцеловав брата, Эльф потянула его к стоявшей у выхода Частити.

Навстречу приключениям.

Она прикоснулась губами к щеке своей невестки.

– Напиши перед отплытием. – Они обнялись и постояли немного, прижавшись друг к другу, так как успели стать близкими подругами. – Береги его, – прошептала Эльф, борясь со слезами.

– Конечно. – Отстранившись, Частити захлопала носом. – Если бы в этом был какой-нибудь смысл, я попросила бы тебя позаботиться о Форте. – Она имела в виду своего брата, ставшего теперь графом Уолгрейвом.

– Могу себе представить его реакцию на подобное предложение.

Девушки обменялись понимающими взглядами. Брат Частити терпеть не мог всех Маллоранов.

Два лакея распахнули огромные двойные двери, впуслав в холл летнее солнце и птичий щебет. Маркиз и Шон вышли и остановились в ожидании на ступенях наружной лестницы.

¹ Провинция на юго-востоке Канады. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Приглядывай за ним по крайней мере, – попросила Частити.

– вспомни о местах, которые он посещает, моя дорогая. Я моментально лишусь своего доброго имени.

– Но не теперь. – Лицо Частити приняло лукавое выражение. – У меня и в мыслях нет роптать на преобразование моего брата. Но все же беспечный повеса Форт был куда приятнее циничного моралиста лорда Уолгрейва. – Она натянула перчатки. – Я действительно беспокоюсь, оставляя его в таком состоянии. С тех пор как умер отец, он сам не свой.

Эльф взяла ее за руки и подвела к двери.

– Хорошо, я возьму на себя роль ангела-хранителя. Когда он попадет в переделку – скажем, его решат обезглавить за злонамеренный поступок, – я поспешу на выручку. – Усмехнувшись, она добавила:

– В основном чтобы досадить ему.

– Форт не так уж плох, Эльф, – хмыкнула Частити. – Он всего лишь...

– Всего лишь считает, что все Маллораны хуже червей, и относится ко мне соответственно.

Вздыхнув, Частити прекратила бесполезный спор и, повернувшись, присоединилась к мужу и маркизу, который должен был сопровождать их до Портсмута.

Эльф наблюдала, как все трое разместились в золоченой карете. В мгновение ока кучер щелкнул кнутом, и шестерка лошадей тронула с места великолепный экипаж. Вскоре он свернул с площади Мальборо, увозя брата и невестку. Шон и Частити, высунувшись из окна, махали руками.

Прохожие, остановившиеся поглазеть на отбытие важных господ, продолжили свой путь. Праздные бездельники побрели дальше, слуги возобновили прерванные дела, а дети вернулись к своим играм.

Эльф закусила губу. Девушка тяжело переживала предстоящую разлуку с братом и жалела, что не поехала провожать Шона с женой в порт, хотя и понимала: прощание на корабле было бы не менее печальным, чем дома.

Она вспомнила, что уже пережила худшее. Семь лет назад Шон убежал из дому, увлеченный идеей вступить в армию. Некоторое время Эльф почти ненавидела брата. Ей казалось, он бросил ее, хотя девушка прекрасно знала: Шон никогда не смирится с жизнью, которую Ротгар прочил ему. Стать законником, прости Господи! Одна из самых нелепых затей их старшего брата.

Шона манила другая жизнь – полная опасностей и приключений.

За семь лет он был дома всего четыре раза, и сестра смирилась. Она наконец почувствовала себя достаточно взрослой и независимой, чтобы не тосковать по нему. Но в прошлом году Шон вернулся, тяжело больной, и Эльф столкнулась с ужасной реальностью – она могла потерять брата.

Для выздоровления Шона потребовалось несколько месяцев. Затем – женитьба и хлопоты, связанные с назначением на должность помощника губернатора в Новой Шотландии, что заняло еще больше времени.

Ее привязанность к Шону стала только глубже. Эльф казалось, она теряет часть себя, и горечь потери усиливалась от сознания, что он женат. Она сердечно любила Частити и не завидовала их счастью, но испытывала глубокую печаль оттого, что брат обрел еще кого-то, возможно, столь же близкого, как она.

Она обнаружила, что все еще стоит, тупо уставившись перед собой. Два лакея замерли как статуи, ожидая, когда можно будет закрыть двери. Со вздохом Эльф повернулась и вошла в дом.

И тут до нее вдруг стало доходить то, что уже некоторое время таилось в глубине ее сознания. Она завидует своему брату-близнецу! Его образ жизни омрачает ее существование. В каком-то смысле Эльф даже радовалась, что Шон уезжает так далеко.

Когда лакеи закрыли за ней двери, перекрыв доступ солнечным лучам и птичьему гомону, она окончательно осознала, что присутствие горячо любимого брата мучило ее весь прошедший год.

Чем больше узнавала она о его приключениях, тем более никчемной представлялась ей собственная жизнь. Ее угнетала мысль о том, что она-то ничего не успела за минувшие семь лет. Разумеется, Эльф посетила множество балов, раутов, музыкальных вечеров и немало приемов устроила сама. Она разъезжала между Лондоном и Ротгарским аббатством и даже совершила поистине невероятное путешествие в Бат и Версаль.

Возможно, кому-то ее жизнь и казалась полной, так как она управляла домами братьев и имела много друзей. Но, слушая истории о путешествиях в далекие страны, об одержанных победах и проигранных сражениях, о кораблекрушениях и змеиных укусах, она пришла к неутешительному выводу, что не совершила ничего сколько-нибудь выдающегося.

Вздвигнув, девушка поняла, что опять стоит, уставившись в одну точку, на сей раз в центре отделанного панелями холла. Подхватив изящные юбки, она взбежала по широкой лестнице, чтобы уединиться в собственных покоях.

Но некуда убежать от мыслей, которые роились в глубине сознания, обретая ясность и пугающую определенность.

Шон только что женился и отправился в очередное путешествие. В свои двадцать пять лет он находится на пороге многообещающей жизни. Эльф в том же возрасте считается уже старой девой, которой предназначено скучное существование. Она будет вести хозяйство братьев, любить их детей, но ей никогда не иметь ни собственного дома, ни своих детей. И она еще девственница...

Ускорив шаги, Эльф почти вбежала в свой прелестный будуар и, закрыв за собой дверь, прислонилась к ней спиной, словно скрывалась от преследования.

Почему размышления о ее девственности всегда приводят ее в такое смятение? Какая-то бессмыслица.

Шон никогда ничего не таил от сестры. Она знала, что первая женщина у него появилась в семнадцать лет – Кэсси Викворт из молочной аббатства. Позже он посещал некоторые бордели и даже получил удовольствие от краткой, ни к чему не обязывающей связи с замужней дамой старше себя, имени которой не называл. Эльф была уверена, что и в армии он не чуждался женщин.

Она вовсе не считала себя ущемленной. У мужчин все иначе, и она готова подождать замужества, чтобы ее просветили.

Поймав себя на том, что бессмысленно подпирает дверь, она села в кремовое парчовое кресло. Видимо, именно женитьба Шона сделала таким нестерпимым ее затянувшееся целомудрие. Раньше ей не приходилось видеть, как брат уходит ночью к женщине, тогда как ей предстояло спать в одиночестве. Не стало легче и после того, как она узнала о его отношениях с Частити до свадьбы. Их явная влюбленность, восторженные взгляды и постоянное желание прикоснуться друг к другу убедили Эльф: что-то очень важное проходит мимо нее.

И возможно, так будет всегда.

Что ни говори, но девушке ее круга трудно потерять девственность вне брака. Особенно если у нее четверо братьев, готовых убить любого, кто окажет ей такую услугу.

Эльф встала и принялась изучать себя в высоком зеркале. С замысловатой прической, увенчанной белым кружевным чепцом, она являла собой воплощение старой девы. И разумеется, белое платье, украшенное крошечными незабудками, превращало ее к тому же в образец девственности.

Достаточно молодой девственницы. Нелепо, но Эльф не имела понятия, как должна одеваться непорочная старая дева двадцати пяти лет от роду. С тех пор как все сошлись на том, что ей не хватает вкуса, она предоставила себя заботам своей горничной.

Отвернувшись, девушка принялась мерить шагами комнату, размышляя о том, что могло бы разрешить все ее проблемы.

Брак.

Таков рецепт Шона. Но ему повезло: он нашел родственную душу, а она нет. Эльф получила удовольствие от общества мужчин и не испытывала недостатка в поклонниках. Однако еще не встретила человека, который очаровал бы ее настолько, чтобы она решилась вопреки рассудку на какую-нибудь глупость.

Что-нибудь запретное, даже порочное...

Ну не смешно ли надеяться на это?

Шон нашел, что искал. Его готовность рискнуть всем ради Частити, самозабвение, с которыми они отдавались друг другу, служили доказательством могущества любви.

Другой ее брат, Брайт, так запутался в волшебных сетях Порции Сент-Клер, что его блестящий логический ум оказался неспособным заниматься ничем другим, пока он ее не добился.

Аманда, лучшая подруга Эльф, просто одержима своим мужем и страдает, если он покидает ее на несколько дней по государственным делам.

Эльф никогда не испытывала подобного безумия. Будь это уготовано судьбой и ей, что-нибудь наверняка бы уже случилось. Если только ее жизнь не слишком однообразна, чтобы привлечь стрелы Купидона...

Вновь повернувшись к зеркалу, она сорвала свой чепчик и отшвырнула его, разбросав шпильки. Рыжеватые локоны рассыпались по плечам.

Она удрученно вздохнула: едва ли кто-нибудь будет тайно грезить о ней.

Как несправедливо, что Шон красивее ее. Он унаследовал необыкновенные, опущенные густыми ресницами каре-зеленые глаза их матери и ее золотистые волосы. Цвет глаз Эльф менее яркий, волосы и ресницы скорее рыжегато-каштановые. От отца обоим достался упрямый подбородок, что вполне могло украсить военного, но едва ли – даму.

В раздражении она отбросила бесполезные сетования. Подбородки и глаза не изменишь, а красить волосы она не собиралась. Может быть, подкрасить лицо?..

– Ах, миледи! *Vous etre pret?*²

Вздвигнув, Эльф повернулась к горничной и вспомнила: она же намеревалась провести несколько дней с Амандой! Портшез наверняка ее ждет.

– *Bien sur, Chantal*³.

Как всегда, оставаясь наедине, госпожа и горничная разговаривали по-французски. Шанталь была француженкой, так же как и мать Эльф, позаботившаяся о том, чтобы ее дети свободно владели двумя языками.

– Мои вещи уже отправили? – продолжила Эльф на том же языке.

– Конечно, миледи. И портшез уже подан. Но что с вашим чепчиком, миледи?

– Он немного сбился, и я сняла его, – пробормотала Эльф, чувствуя, что краснеет.

Шанталь запричитала, усаживая Эльф за туалетный столик и стараясь вернуть прическе и изящному кружевному убору безупречный вид.

Эльф выбросила из головы тревожные мысли. Все это лишь набежавшее облачко, навеянное расставанием. Несколько дней с Амандой рассеют без следа охватившее ее уныние.

² Миледи! Вы готовы? (*фр.*)

³ Конечно, Шанталь (*фр.*).

Войдя на следующее утро в будуар Аманды, Эльф обнаружила, что подруга ее детства сидит за накрытым для завтрака столиком, мрачно уставившись в окно.

– В чем дело?

– Ох, Эльф! – вздрогнула Аманда. – Какое счастье, что ты здесь и я не совсем покинута!

Аманда Лессингтон была статной брюнеткой одного роста с Эльф, но с весьма округлыми формами. Природа одарила ее выразительными темными глазами и полными губами, которым Эльф всегда завидовала.

– Так что случилось? – спросила Эльф, садясь напротив подруги.

– Стефен уехал. Что-то ужасно важное произошло в Бристоле. Бристоль, скажите на милость! – Взмахом руки Аманда отмела как нечто несущественное один из основных морских портов Англии.

Недовольство Аманды Бристолем, по мнению Эльф, объяснялось тем, что та не выносила частых отлучек мужа.

– Уверена, это всего лишь на несколько дней.

– На неделю! Целую неделю! И ты не представляешь всех последствий. Этот несносный человек оставил нас без всякого сопровождения на случай выхода в свет. Если только, – добавила она в порыве вдохновения, – не привлечь твоих братьев к исполнению этой обязанности. Стефену послужит уроком то, что я проведу вечер в обществе Рот-гара.

Эльф подавила улыбку:

– Это твоя тайная мечта? Я была бы рада осуществить ее, милая, но он отправился в Портсмут с Шоном.

– А Брайт? – с надеждой спросила Аманда.

– Он в Кенделфорде, – покачала головой Эльф, – и крепко засел там – Порция должна скоро родить.

– Бранд?

– Уехал по семейным делам. Отчасти поэтому я здесь. Они не хотели вставлять меня одну.

– Увы, – уныло вздохнула Аманда. – Значит, нас обеих безжалостно бросили.

Эльф положила ломтик ветчины на булочку.

– Не совсем...

Беспокойные мысли продолжали одолевать девушку, не давая ей спать полночи, и новые обстоятельства только подбросили дров в огонь. Наливая себе шоколад из фарфорового кувшинчика, Эльф загадочно улыбалась. В голове ее созрел фантастический план.

– Мы не брошены, Аманда, – наконец вымолвила она, – а оставлены без защитников.

– Разве это не одно и то же?

– Не для меня. – Эльф отрезала кусочек ветчины, наслаждаясь ее пикантным вкусом и такими же мыслями, вихрем кружившимися в ее голове.

– Я всегда так боялась дать повод втянуть моих драчливых защитников в дуэль, что соблюдала все приличия. Но сейчас никого из них нет. Может, мне в конце концов удастся пережить нечто такое...

– Что именно? – насторожилась Аманда.

– Что-нибудь неприличное, разумеется. – Эльф усмехнулась, увидев ошеломленное выражение лица своей подруги. – Да нет. Но давай съездим в Воксхолл.

– Воксхолл? Ну, это едва ли неприлично. Мы обе там бывали много раз.

– Без спутников. Вечером. На маскарад, который состоится в честь Летней ночи⁴.

– Ты это серьезно? – изумилась Аманда.

– Многие господа из общества посещают такие костюмированные балы.

⁴ Ночь накануне Иванова дня 24 июня.

– Ты хочешь сказать, многие мужчины.

Отлично сознавая, что поддается шальному порыву, Эльф спросила:

– А почему все развлечения должны доставаться им?

– Я совсем не уверена, что там так уж забавно.

Минутная причуда превратилась в навязчивую идею. Эльф чувствовала, что сойдет с ума, если не совершит поступка, совершенно ей несвойственного.

– Послушай, Аманда, – проговорила она, наклонившись вперед, – обещаю быть не слишком безрассудной. Мы наденем домино. Нас никто не узнает. – Она взяла подругу за руку. – Я просто хочу узнать, каково это – изображать кого-нибудь всего одну ночь.

– Кого? – простионала Аманда.

– Не знаю. Во всяком случае, не леди Эльфлед Маллоран, сестру могущественного маркиза Ротгара – только посмей приблизиться! – возможно, обыкновенную женщину...

После некоторого колебания Аманда стиснула ее руку:

– Эльф, я не видела тебя в таком состоянии с тех пор, как мы были детьми. И всегда считала, что Шон был заводилой в ваших проказах.

– Может быть, мы с Шоном похожи.

– Пожалуй.

– Аманда, мне необходимо это сделать.

– Понимаю. – Аманда озабоченно нахмурилась. – Но в какой-то степени я отвечаю за тебя.

– Я старше тебя на полгода!

– Но я замужем. – Серьезные карие глаза испытующе посмотрели на подругу. – Пообещай, что мы все время будем вместе.

– Конечно. Что стало с твоей жадной приключений? Ты не была такой робкой, когда мы были детьми.

– Потому что мы были детьми. Не считаю все это забавным. Наверняка там будет тесно, душно и шумно. – Минуту она молча изучала выражение лица Эльф и затем улыбнулась. – Но если тебе так нужно приключение, моя дорогая, ты его получишь.

Десятью часами позже Эльф, высоко приподняв шелковые юбки, шагнула из лодки на каменные ступени причала в Воксхолле. Ее кровь бурлила от волнения, которого она не испытывала со времен юности.

Обе девушки были одеты в просторные домино, шелковые плащи, полностью скрывающие платья с кринолинами, с капюшонами, накинутыми на напудренные волосы. Отделанные белыми перышками маски закрывали их лица, оставляя лишь губы и подбородок. Даже если им не повезет и они встретят близкого родственника, их невозможно будет узнать.

Домино Аманды было серебристо-голубым, а Эльф – ярко-алым. Вообще-то они поменялись ими на одну ночь. Предполагая, и не без оснований, что это ее единственный шанс пережить настоящее приключение, Эльф хотела использовать его как можно лучше. Шанталь – настоящий деспот, поддерживаемый всеми знакомыми Эльф, – утверждала, что насыщенные красные тона несовместимы с бледной кожей и рыжеватыми волосами. Даже если Эльф сама покупала что-нибудь красное, оно бесследно исчезало.

Этим вечером, однако, собираясь быть в маске и с напудренными волосами, Эльф убедил Аманду обменяться домино. Затем потребовала от Шанталь достать платье в алую полоску с ярко-красной нижней юбкой. Разумеется, горничная бессовестно утверждала, что оно безнадежно испачкано.

– Каким же образом, – поинтересовалась Эльф, – оно может быть грязным, если его никогда не носили?

Хотя вкус Шанталь исключал всякую романтику, честность ее не вызывала сомнений. Ей пришлось найти платье и нижнюю юбку в сундуке на чердаке Маллоран-Хауса. Получив

соответствующее указание, – она даже нашла красно-белые полосатые чулки и подходящий корсет из красного с черным шелка, отороченный золотым кружевом. При виде его горничная прослезилась:

– Только не это, миледи, вы будете похожи на мак! Умоляю вас!

Эльф была непреклонна, хотя даже беспечная Аманда зажмурилась, глядя на ее костюм, и согласилась, что корсет, пожалуй, *de trop*⁵.

Однако Эльф надела все. Кто знает, представится ли ей еще возможность одеться так, как хочется? Возможно, в ее жизни больше не будет приключений. Она намеревалась наслаждаться каждым мгновением предстоящей ночи. Этим вечером Эльфлед Маллоран, молодая аристократка, отличающаяся безупречным поведением, станет совершенно другой женщиной.

Лизетт, окрестила она даму в красном, отражавшуюся в зеркале. Лизетт Белхарди – такое имя вполне подходит к уверенной в себе красавице. Мадемуазель Лизетт из Парижа, смелая и дерзкая, какой никогда не будет Эльфлед Маллоран.

Эльф чувствовала себя незнакомкой в загадочной стране. Даже лестница Воксхолла, украшенная в честь праздника Летней ночи, выглядела по-другому. Повсюду были развешаны мерцающие фонари, радужные отблески которых отражались в темной, покрытой рябью воде Темзы. Перекрывая гул голосов и нетерпеливые выкрики лодочников, лодки которых выстроились вдоль берега в ожидании высадки пассажиров, из парка доносились звуки оркестра.

– Добро пожаловать в Воксхолл, любезные дамы! – воскликнул с веселой усмешкой молодой человек, который помог им подняться по лестнице и получил за услугу от каждой по пенни. Подмигнув, он добавил:

– Уверен, такие красотишки быстро найдут себе галантных кавалеров на эту ночь.

Аманда пониже надвинула голубой капюшон.

– Эльф, – прошептала она, – ты уверена, что это разумно?

– *Ne craignez rien, Aimee*⁶ – проговорила Эльф, стараясь успокоить подругу, а также напоминая ей, что они должны говорить по-французски, дабы их не узнали.

Она потащила Аманду вперед, продолжая на французском:

– В любом случае мы не можем уйти. Смотри: лодки только выгружают гостей, и отплывающей нам практически не найти. Пойдем.

Девушки присоединились к потоку посетителей, устремившихся в направлении темных аллей Воксхолла. Эльф много раз бывала в парке и знала, что короткие, заполненные людьми аллеи не представляют никакой опасности. Контраст между светом и тенью только делал более выразительным сверкающее великолепие озаренного огнями парка.

Тем не менее ее сердце тревожно забилося, когда она вступила в полумрак аллеи, так как отсутствие спутников превращало ее затею в настоящее приключение. Аманда настояла на том, чтобы взять нож, который спрятала в карман, и заставила Эльф засунуть за лиф кинжал. И все же с ними не было мужчины, который мог бы их защитить.

Необычная ситуация вовсе не пугала Эльф – девушка смаковала ее как терпкое вино, надеясь в глубине души встретить внушающего трепет опасного незнакомца. Именно в этот вечер, когда ее братья не могут вмешаться.

В конце концов должны же существовать мужчины, способные вызвать волнение в ее душе!

Временами свет тысячи фонарей выхватывал девушек из мрака аллеи. Гирлянды цветных фонариков свисали с деревьев, обвивали изящные арки, змеились по подобию греческих храмов и древних гротов. Неподалеку была устроена поляна фей, где прохаживались актеры, одетые в костюмы персонажей из «Сна в летнюю ночь» Шекспира.

⁵ Чересчур (*фр.*).

⁶ Не бойся ничего, Эми (*фр.*).

– «Я знаю холм в лесу, там дикий тмин растет...» – процитировала Аманда, захваченная всеобщим возбуждением, не в силах устоять перед буйным весельем и разноголосым гомоном оживленной, разряженной, в пышные костюмы публики.

– Ты была права, Эльф. Это необыкновенное зрелище!

– Лизетт, – напомнила ей Эльф.

– Ну Лизетт.

– А ты – Эми.

– Знаю, знаю. Но мне кажется, вымышленные имена – это уж слишком, – пожаловалась Аманда, впрочем, без особого пыла, куда более увлеченная тем, что творилось вокруг. – Пожалуй, я предпочла бы костюм, вместо домино. Ты только посмотри на Титанию!

Дама, о которой шла речь, испытывала немалые неудобства, пытаясь справиться с большими неуклюжими крыльями, но сам костюм был удивительно красив. Эльф пришла в восторг от ее изобретательности, но не сожалела о собственном выборе. Она не могла пренебречь предосторожностями – даже самый замысловатый костюм не скрывает так надежно, так венецианское домино. Оно скроено так, что муж может танцевать с собственной женой и не узнать ее. И наоборот. Многие мужчины этим вечером одеты в домино.

Увлекаемая шумной толпой, Эльф размышляла о том, сколько здесь представителей высшего сословия и сколько джентльменов рискуют соблазнить собственных жен. Или наоборот.

Заинтригованная, она гадала, в какой момент незадачливые любовники узнают друг друга и останутся ли довольны. Станет ли очаровательный партнер неприятным, когда снимет маску?

Что же создает здесь такую атмосферу?

Возможно, именно дух приключения и порока.

Что-то запретное, как она сказала Аманде. Разумеется, девушка не собиралась совершать ничего действительно порочного, а просто хотела перемен.

Эльф почувствовала, что Аманда тянет ее за плащ.

– Эльф... Лизетт. Вот роща.

В роще, являвшейся сердцем Воксхолла, играл оркестр и продавались всевозможные закуски. Там располагались киоски и павильоны, где можно было перекусить, сидя и наблюдая за другими. У Ротгара имелся собственный павильон в роще, и, бывая здесь, Эльф преимущественно проводила время в нем. Она могла бы воспользоваться им и сейчас, если бы хотела. Ведь это безопасно.

И так скучно.

Ну нет. Эта ночь будет другой. Эльф обняла подругу за талию и решительно повела ее по широкой южной аллее.

– Разве может что-нибудь произойти в таком месте? – заявила она и, желая подразнить подругу, добавила: – Давай поищем аллею друидов.

От залитых светом главных аллей ответвлялись плохо освещенные тропинки – прибежище разнообразных пороков.

Аманда испуганно вскрикнула.

– Успокойся, милая, – засмеялась Эльф, – я не способна на подобное безрассудство.

– Эльф...

– Лизетт, – поправила ее Эльф. – Ты ведешь себя как мышка, Эми! Признайся: подготовка к маскараду и то, как нам удалось удрать от твоих слуг, – самое забавное, сделанное нами за последние годы?

– Честно говоря, это было весело, – согласилась Аманда, натягивая пониже капюшон. – Но аллея друидов...

– Я пошутила, солнышко. – Эльф откинула капюшон подруги. – Так ты налетишь на дерево. Аманда, да твоя родная мать не узнала бы тебя сейчас! Послушай, ты же замужняя женщина и должна быть смелее.

– Ты же Маллоран. Я всегда считала тебя непохожей на своих братьев, но теперь начинаю сомневаться.

Эльф потянула подругу в тихое местечко под развесистым буком.

– Ты действительно хочешь домой? Если так, мы уходим.

Подумав, Аманда отрицательно покачала головой:

– Конечно, нет. Иногда и меня тянет к приключениям. – Она надула пухлые губки. – И я хочу отплатить Стефену за то, что он пренебрег мной.

– Не надо было выходить замуж за политика, солнышко. По крайней мере он полностью предан тебе.

– Знаю, но... Я просто скучаю. Даже когда он дома, то всегда так занят... – Она решительно тряхнула головой, сбросив капюшон с напудренных волос. – Так и быть, вперед к приключениям! Но не стоит забывать об осмотрительности, Лизетт, – видишь, я усвоила. Гляди-ка, мужчины буквально пожирают нас глазами.

– Надеюсь, что так. – Эльф направилась назад в самую толчею. – Я не прочь начать строить глазки. Ты только посмотри туда! Разве это не лорд Баклторп? Ему вот-вот стукнет шестьдесят, а он все еще считает себя лихим парнем.

Престарелый граф был в костюме Карла II.

– Как ты думаешь, он заказал этих девиц в придачу к костюму? – спросила Эльф, оставившись на выставленную напоказ грудь двух продавщиц апельсинов, повисших на руках графа.

– Думаю, в любом случае ему придется выложить им кругленькую сумму за эту ночь, – пробормотала Аманда. – Нам следует быть поосторожнее.

Эльф ослепительно улыбнулась подруге:

– Обещаю не виснуть на мужчинах за деньги, дорогая. Вообще-то я поклялась не связываться здесь ни с кем, если только не встречу героя моих грез.

Аманда пренебрежительно посмотрела на развлекающуюся толпу.

– Тогда нам ничто не угрожает. Но умоляю тебя, дорогая Лизетт, открой, кто является тебе во сне?

Они не спеша прогуливались, пока Эльф вслух раздумывала над ответом.

– Рыцарь в сияющих доспехах? Или сногшибательный кавалер в шляпе с развевающимися перьями? – Ее взгляд упал на ярко освещенный муляж дракона. – Может быть, победитель драконов?..

– Господи! – Аманда подняла к глазам лорнет, служивший чисто декоративным целям, и обвела взглядом толпу. – Здесь ты определенно не найдешь такого.

– Я и не рассчитывала, – солгала Эльф, понимая, что Аманда права. Каждый, кто был в состоянии заплатить за вход, мог посетить Воксхолл, и маскарад явно привлек самых беспутных. Она смотрела на подвыпивших молодых щеголей, городских авантюристов всех мастей, отпусковых военных.

Никого похожего на предмет ее мечтаний.

– Полагаю, чтобы встретить победителя драконов, – проговорила Эльф, – надо вначале найти хоть одного дракона.

– А кому это нужно? – возмутилась Аманда.

Даме, которая страждет мужчину, похожего на ее братьев, подумала Эльф, но предпочла промолчать.

... Частити в отчаянном порыве спасти свою сестру Верити, как настоящий разбойник, остановила карету Шона. Затем они втроем пересекли страну, скрываясь от врагов и даже от армии.

...Порция, невеста Брайта, выставленная на аукцион в борделе, чтобы заплатить долги своего брата, спаслась только благодаря сообразительности Брайта. После этого родственники долго удерживали ее в заточении, и ей пришлось бежать через окно.

Эльф знала, что обе подвергались настоящей опасности и натерпелись страху. Разумеется, она не хотела, чтобы ее преследовала армия или продали в публичный дом. Но чего-то ей явно не хватало, и она; мечтала о победителе драконов...

В Воксхолле не было драконов, кроме ярко раскрашенных китайских. И разодетые в костюмы героини являлись такой же бутафорией.

Несмотря на разочарование, Эльф не собиралась отказываться от приключения. Она наслаждалась своим инкогнито, тем более что реальной опасности не было. Эльф презрительно отвернулась от четырех молокососов. Будущие повесы выкрикивали двусмысленности, пытаясь привлечь их с Аmandой внимание. Заметив пьяных мужчин с остекленевшими глазами, которые, расталкивая всех, пробирались к ним, она инстинктивно бросила на них знаменитый взгляд Маллоранов, способный осадить каждого, вышедшего за пределы дозволенного. Даже через маску он произвел должный эффект. Пьяницы остановились, неловко посмеиваясь, и повернули в поисках более легкой добычи.

Эльф стало смешно. Какие уж тут приключения, если одним взглядом можешь остановить любого, проявившего интерес?

Высоченный широкоплечий военный преградил ей путь:

– Привет, куколка. Ты позволишь угостить тебя вином?

Под влиянием своих мыслей Эльф, заставив себя перестать сверкать глазами, улыбнулась:

– Я не хочу пить, сэр, но...

Аманда тут же втиснулась между ними.

– Пойдем, кухня, мы опаздываем на свидание! – затараторила она по-французски и, схватив подругу за руку, потащила ее прочь.

Эльф позволила себя увести, не скрывая досады.

– Как мне развлекаться, если ты не даешь и слова сказать джентльмену?

– Поверь мне, этот джентльмен хотел большего, чем просто поговорить!

– Эми, хоть я и не замужем, но не настолько же глупа. Знаю я, что ему нужно. И знаю также, что он не может принудить меня силой, пока я остаюсь в пределах главных аллей. Честно говоря, гулять по этим аллеям довольно скучно...

– Эльф... Лизетт... или как там тебя! – набросилась на нее Аманда. – Я не сильна в этих уловках. Но всему есть предел. Никаких боковых тропинок. Разве ты не слышала жутких историй об этих местах? Просто верх неприличия. Ограбления, изнасилования...

– Уверена, это преувеличение, – возразила Эльф из чистого упрямства. – Да здесь не найдется закоулка, удаленного от общественных мест. Крики были бы слышны.

– Но откликнутся ли на них?

Эльф бросила понимающий взгляд на подругу. Аманда далеко не глупа. Эльф не приходило в голову, что люди могут сознательно проигнорировать крики о помощи. Но, глядя на разряженную, сверкающую публику, она готова была в это поверить.

– Поэтому, – твердо сказала Аманда, – либо мы остаемся на главных аллеях, либо возвращаемся домой.

– Ты не лучше моих братьев, – раздраженно выдохнула Эльф.

– А ты, несмотря на показное смирение, все тот же сорванец, из-за которого в детстве завязывались все драки.

– Ну конечно, – согласилась Эльф с долей иронии, – просто делаю вид, что я леди. – Она посторонилась, пропуская пьяную, нетвердо ступающую парочку. – Но я больше не ребенок. Хотелось бы понять, кто я на самом деле.

– Мэ-эм...

Эльф оценивающе посмотрела на молодого человека, пытавшегося представиться им. Слабая челюсть и, наверное, служит в лавке. Она бросила на него взгляд Маллоранов, и он тотчас исчез.

– Я уже говорила тебе. Эльф, ты должна выйти замуж. Предложений, думаю, достаточно.

– Ты повторяешь это слишком часто. Я выйду замуж только за необыкновенного человека.

Эльф сообразила, что они перешли на английский, но не стала возражать. Аманда явно не в ладах с иностранными языками, да и вся затея начинала ей казаться глупой.

– Ну, знаешь, – заявила Аманда. – Если ты ждешь кого-то вроде твоих братьев, то сгниешь на полке. И поверь мне, иметь дело с обычным человеком гораздо приятнее.

Пораженная, Эльф даже остановилась и возмутилась:

– Чем же плохи, по-твоему, мои братья?

– Сдаюсь, – подняла руки Аманда. – Ничем. Я сама одно время грезилась о них. Но они сделаны из слишком крутого теста. А в обычной жизни хочется иметь рядом приятного человека, который скоротает с тобой вечерок у камина. Признаюсь, – доверительно добавила она, медленно двинувшись дальше, – мне всегда было интересно, каков Маллоран в постели. – Она оборвала фразу, испуганно прикрыв рот рукой.

– Не беспокойся, – улыбнулась Эльф. – Я ничего не скажу Стефену.

Увидев киоск, где продавался лимонад, девушки направились к нему.

– Кого бы ты предпочла, Аманда? – спросила Эльф, когда они остановились со стаканами в руках. – Великолепного партнера в постели, все остальное время выводящего тебя из себя, или надежного, спокойного человека, который и в интимной близости только надежен и спокоен?

– Если ты намекаешь на Стефена...

– Я этого не говорю. Итак, – спросила она, придав лицу сладострастное выражение, – каков он?

Аманда яростно взглянула на подругу, но губы ее дрогнули.

– Он замечательный. Беда в том, что Стефен слишком редко бывает дома и очень устает после целого дня в Уайтхолле. Вот тогда мои мысли устремляются к запретным плодам. Вроде Ротгара.

Эльф приподняла брови, услышав такое исполненное томления упоминание о своем старшем брате маркизе Ротгаре.

– Не то чтобы он красив, – мечтательно продолжала Аманда, – но что-то в нем есть...

– Возможно, то, что он не собирается жениться, – практично предположила Эльф. – Недоступное всегда притягивает.

– Что правда, то правда, – фыркнула Аманда. – А теперь, когда я выдала мой самый большой секрет, ты должна поведать мне свой.

– Мой секрет? – Эльф допила лимонад, который оказался чересчур разбавленным водой и сладким. А есть ли у нее секреты? Она чувствовала, что где-то в глубине ее сознания затаились тревожные мысли, но старалась отгородиться от них. – Я ведь уже говорила тебе, – наконец сказала она. – Это победитель драконов.

– Ты можешь объяснить точнее?

– Победитель драконов? Святой Георгий, полагаю... Нет. Никакой он не святой. Это опасный, даже порочный человек, способный убить, защищая меня. Конечно, по отношению ко мне он не будет опасен. Разве что для моего сердца...

Аманда почти замурлыкала от удовольствия, выражая свое одобрение.

– Что с тобой, Аманда? Для почтенной матроны ты ведешь себя довольно глупо.

– Как почтенная матрона, я могу позволить себе иногда совершать маленькие глупости. А вот незамужние девушки должны быть безупречны. Все же я не считаю, что узнала твою сокровенную тайну. А нет ли определенного мужчины, который вызывает у тебя подобные мысли?

– Десятки. Начиная с сына мельника, когда мы были еще подростками.

– О да! Такие мускулы! Мы прятались возле запруды и истекали слюной, подглядывая за ним...

Эльф надеялась, что отвлекла подругу, но Аманда спросила:

– А сейчас?

– Уолгрейв, – ответила Эльф, чтобы покончить с щекотливой темой. – Меня посещают странные, порой эротические мысли о графе Уолгрейве.

Глава 2

– Лорд Уолгрейв? – удивилась Аманда. – Он ведь наш ровесник. Красив, не женат и считается завидной партией. Не вижу в этом ничего странного, тем более порочного.

– Но он совершенно невыносим и, кроме того, заклятый враг нашей семьи! Пойдем. Торчать здесь, прислонившись к дереву, – пустая трата времени. – Она втащила подругу в поток веселящейся публики. – Давай по крайней мере найдем место, откуда можно посмотреть на фейерверк.

– Но разве граф не брат Частити? – не унималась Аманда, следуя за ней. – Он же твой шурин!

Эльф могла бы догадаться, что Аманду так просто не угомонить.

– Уверю тебя, это не предполагает братскую любовь. Конечно, ради Частити и Шона мы стараемся соблюдать вежливость, насколько это возможно.

– Господи! Совсем как Ромео и Джульетта!

Эльф остановилась как вкопанная, и напиралая сзади толпа чуть не сбила их с ног. Когда им удалось наконец выпутаться из возникшей свалки, она возмущенно воскликнула:

– Ромео и Джульетта! Ты не в своем уме. Он презирает меня. Ему нравятся мягкие, покорные женщины. Я тоже презираю его. У этого беспутного человека хватает наглости учить меня приличиям!

Аманда потянула Эльф к скамейке, которую только что освободила парочка, направившаяся, как отметила Эльф, на одну из аллей, служивших приютом порока. Она позволила подруге усадить себя, зная, что дотошного допроса не избежать.

Эльф сожалела, что не смогла придержать язык, полагая Уолгрейва вполне безопасным объектом для беседы. По сути, так оно и было. Она действительно презирала его, хотя ее завораживал взгляд его холодных голубых глаз и она ощущала его эротическую энергию. Он действовал ей на нервы, и девушка была бы не прочь поиздеваться над ним, чувствуя себя уютно за спиной братьев.

Тем не менее Эльф слишком часто думала о нем, иногда даже видела во сне и не понимала почему. Последнее время он совсем не улыбался, разве что цинично, и пребывал в скверном расположении духа.

Должно быть, она спятила.

– Учит приличиям? – вцепилась в нее Аманда как гончая, учуявшая след. – Наверное, ему трудно освоиться со своим новым положением. Он привык к беззаботной жизни. Могу поручиться: Уолгрейв – повеса, но вряд ли злостный. И вдруг стал графом! Совсем не просто принять на себя обязанности человека, прозванного Неподкупным.

– Признаться, он старается. Старается выглядеть таким же нестерпимо напыщенным, как его отец.

Аманда бросила на нее проницательный взгляд:

– Ему далеко до отца, как я понимаю. Но наверное, насчет напыщенности ты права. – Она задумалась на минуту. – Разве старый граф умер не в Ротгарском аббатстве?

– Да. С ним случился удар.

Это по официальной версии. На самом деле граф потерял рассудок и пытался убить королеву-мать. Его успели застрелить. Возможно, это сделал Ротгар. Нынешний лорд Уолгрейв определенно винил маркиза в смерти своего отца и не упускал возможности навредить Маллоранам.

Дело, разумеется, замяли. Попытка убить члена королевской семьи расценивается как измена, а это означало бы крушение всего рода Уолгрейвов. Титул и собственность старого

графа подлежали бы немедленной конфискации, а двум сыновьям и дочерям был бы закрыт путь в высший свет.

Аманда задумчиво постукивала лорнетом по губам.

– У тебя, наверное, было много поводов встречаться с новым графом. Свадьба и другие события.

– Немного, но, уверяю тебя, Аманда, больше чем нужно. Если ты подумываешь о сватовстве, забудь об этом. Трудно найти более неподходящую пару.

Аманда не казалась обескураженной.

– Кажется, Уолгрейв ответственно воспринял свои обязанности, – продолжала она как ни в чем не бывало. – Стефен поражен тем, сколько внимания граф уделяет делам государства, и разумной позицией, которую он занял в парламенте.

Эльф сделала вид, что зевает.

– Приятно слышать, но давай поговорим о чем-нибудь более интересном.

– Эльф! Ты признала, что думаешь о нем. Он необычайно красив. Почти как Брайт. – Закатив глаза, она выразительно вздохнула.

Эльф ухватилась за предлог сменить тему разговора:

– Сначала Ротгар. Теперь Брайт. Скоро ты сообщишь мне, что согреваешь душу мечтами о Шоне!

– Нет, – засмеялась Аманда. – По какой-то причине совместная ловля рыбешек в грязи перевела его в статус брата. – Она обняла Эльф. – Может быть, дело в том, что вы – как сестры, а он – твой близнец.

Эльф нежно прижала к себе подругу, искренне надеясь не пожалеть в будущем о своей необдуманной откровенности.

Однако Аманда не считала тему исчерпанной и предложила:

– А почему бы не превратить фантазии в реальность? Если твой брат мог жениться на сестре Уолгрейва и небо не обрушилось вам на голову, то и ты можешь выйти за графа замуж.

Эльф отстранилась от нее:

– Какой блажью набита твоя голова! Я же объяснила: мы испытываем друг к другу глубокую неприязнь. Он намерен уничтожить Ротгара. Это не тот случай, когда супруги вместе греются у камелька.

– Ну а как насчет постели? – усмехнулась Аманда.

Эльф вскочила на ноги:

– Ты безнравственная женщина. Нет, и в постели ничего хорошего не получится, когда вокруг столько ненависти.

Вздохнув, Аманда встала, присоединившись к Эльф:

– Пожалуй, ты права. Какая досада! Он именно тот, кто тебе нужен.

– Ты сошла с ума! – Эльф одернула сбившиеся юбки. – Вернемся к лодкам. Если мы собираемся делиться девичьими секретами всю ночь, это можно делать с таким же успехом дома в тепле и уюте.

Аманда ничего не имела против.

– Я все испортила, Эльф?

– Нет. – Эльф взяла подругу за руки. – Это глупая выходка. Мне следует придумать более разумный способ изменить свою жизнь.

Возвращаясь, девушки вынуждены были двигаться против потока, так как большинство народа устремилось к площадке, где должен был состояться фейерверк. Сначала Эльф показало, что ее удерживает напор толпы, но затем чья-то рука обвила ее талию, прижимая к несвежей шерстяной униформе. Она подняла глаза и узнала украшенного регалиями капитана.

– Месье!

– По-прежнему одна, красотка?

– Je ne comprends pas⁷.

Он перешел на ломаный, но вполне сносный французский:

– Если твой дружок потерялся, я охотно тебя провожу.

– Мне кажется, вы более склонны брать женщин приступом, чем сопровождать их. –

Эльф попыталась оттолкнуть капитана, но при его массе и силе это оказалось бесполезно.

Он рассмеялся и прижал ее к себе так крепко, что девушка забеспокоилась, как бы он ненароком не сломал ей ребра.

Но тут в ее душе сверкнуло, словно первая вспышка фейерверка: приключение!

Она кокетливо улыбнулась ему.

– Эл... Лизетт! – зашипела Аманда, дергая Эльф за плащ.

– Помолчи, кузина. Неужели ты не видишь, что мы с джентльменом разговариваем?

Капитан усмехнулся, показав крупные зубы, ровные и здоровые, хотя губы были слишком толстыми и красными.

– Жаль, я пришел без друга, мадемуазель Лизетт. Тогда, держу пари, ваша подружка не стала бы так огорчаться.

Эльф решила играть свою роль до конца и жеманно проговорила:

– Вы, разумеется, правы, капитан. Но, как видите, она преданна мне во всех отношениях.

Капитан повернулся и обхватил Аманду другой рукой.

– Я крупный мужчина, – заявил он, звучно расхохотавшись. – Не бойтесь, я смогу совладать с обеими.

– Уверена, что сможете, – промурлыкала Эльф, наслаждаясь своей ролью. Она погладила волосатую руку. – Мне так нравятся крупные мужчины.

Темные глаза Аманды посылали тревожные сигналы через прорези маски, но Эльф продолжала улыбаться. Они были вооружены: при необходимости справятся даже с таким исполином. С некоторой натяжкой это могло сойти за приключение, без которого Эльф не желала возвращаться домой.

Капитан вел подругу сквозь толпу, без труда прокладывая путь и предохраняя девушек от столкновений. Он обнимал обеих, но больше внимания уделял Эльф. Она считала ситуацию вполне терпимой, так как он развлекал их разговорами и довольно бойко рассуждал о парке, погоде и недавнем путешествии в Голландию.

Вдруг без всякого предупреждения он крепко стиснул ее и поцеловал.

Хотя она отшатнулась и повернула голову, его губы нашли свою цель. Горячее, отдающее луком дыхание окутало ее, и она бешено рванулась из его рук. Без всякого результата.

Эльф не на шутку встревожилась. Никогда раньше она не попадала во власть сильного мужчины и обнаружила, что ей это не нравится.

Ее сопротивление заставило его выпустить Аманду. К своему ужасу, Эльф увидела, что подруга вытаскивает кинжал. Вырываясь изо всех сил, она попыталась предупредить капитана о надвигающейся атаке, но его влажные губы запечатали ее рот. Он был занят тем, что пытался раздвинуть ее губы и протолкнуть внутрь свой язык.

Проклятье, Аманда закончит свои дни в тюрьме за убийство, не говоря уже о том, что разразится ужасающий скандал.

Приглушенно охнув, капитан дернулся, оторвавшись от ее рта. Определенно, Аманда нанесла удар.

– Эми, нет! – вскрикнула Эльф, схватив подругу за занесенную для второго удара руку.

Люди останавливались, привлеченные видом разъяренного капитана и его спутниц. Прежде чем кто-либо успел вмешаться, Эльф кинулась в его объятия, крикнув:

⁷ Я вас не понимаю (фр.).

– Aimee, arreet!⁸

Раздраженная до крайности Аманда неохотно спрятала кинжал, хотя и была потрясена собственным поступком.

– Она просто ревнует, месье, – льстиво проговорила Эльф на ломаном английском, стараясь успокоить капитана. Она осторожно тронула разрез на рукаве его куртки. – Вы, наверное, испытываете невыносимые страдания?

Капитан гордо выпрямился:

– Комариный укус. Но я мог бы привлечь эту женщину к суду за то, что она испортила мой мундир.

Он вытащил платок, и Эльф помогла ему туго перевязать руку, чтобы остановить кровотечение. Девушка не могла не восхищаться его пренебрежительным отношением к ране.

– Будьте милосердны, капитан. Вы же видите, как легко ее возбудить.

Он усмехнулся, прижав к себе одновременно и Эльф, и Аманду.

– Что ж, это звучит многообещающе и может послужить тебе оправданием, очаровательная ведьмочка. – Он повернулся к Эльф:

– Ну а ты, куколка? Тоже легко возбуждаешься?

Эльф поняла, что придется ублажать его, пока они привлекают внимание окружающих и не могут удрать. Подавив вздох, она теснее прижалась к капитану:

– Не знаю, месье. Я не слишком искушена в подобных делах.

Он звучно хмыкнул:

– Я как раз тот человек, который может расширить твои познания, красотка. Обещаю, что постараюсь на славу.

– Будь осторожна! – прошептала Аманда, ущипнув подругу.

Не обращая на нее внимания, Эльф продолжала кокетливо улыбаться:

– Похоже, вам придется заняться образованием нас обеих, капитан.

Его большие темные глаза загорелись, и он похотливо облизнул влажные губы.

– Я управлюсь с дюжиной, и этого будет недостаточно, моя радость.

– Эл... Лизетт! – прошипела в панике Аманда. – Он ведет нас к аллее друидов!

Эльф предпочла бы, чтобы Аманда больше доверяла ее здравому смыслу. Разумеется, она отдавала себе отчет, что капитан, заговаривая зубы, увлекает их на одну из слабо освещенных аллей. Но как им ускользнуть в такой давке? Когда они окажутся в тихом темном месте, ей будет легче дурачить сладострастного идиота, пока им не удастся сбежать.

Отпуская рискованные шуточки, она позволяла ему уводить их все дальше от ярких огней в царство теней и тайн. Наконец, когда южная аллея полностью скрылась за поворотом, она слегка отстранилась и уставилась на него с притворным восхищением.

– Капитан, вы потрясающий мужчина! – проворковала она. – Наверное, в вашем полку вы самый высокий.

Выпустив ее из рук, он поиграл мускулами.

– Скорее, один из них, но зато самый сильный. И кроме того, – добавил он, похлопав себя по выпуклости, натянувшей брюки, – пропорционально скроенный. – Он сделал движение, чтобы опять заключить Эльф в объятия, но девушка ускользнула и зашла ему за спину, делая вид, что хочет рассмотреть его сзади.

– Какие широкие плечи! Вы просто Геркулес. Конечно, вы можете поднять пушку одной рукой.

– Пожалуй, что так. – Он повернулся к ней лицом, но она опять нырнула ему за спину, вынуждая его крутиться на месте. – Эй, моя красавица, стой спокойно, я тоже хочу тобой полюбоваться!

⁸ Эми, остановись! (*фр.*)

– Для этого еще будет время. Много времени. А пока, – продолжала Эльф, мешая английские и французские слова, – я хочу по достоинству оценить ваши необыкновенные физические... – Она заставила его повернуться еще несколько раз и затем, решив, что наступил подходящий момент, сказала:

– Вы должны поцеловать мою кузину, капитан, иначе она опять будет ревновать.

Ей удалось настолько закружить ему голову, что он оступился, поворачиваясь к Аманде. Эльф толкнула его изо всех сил и, схватив Аманду за руку, ринулась назад к освещенным аллеям.

Но он оказался намного массивнее, чем ей представлялось, и только покачнувшись от ее толчка. Аманда замешкалась на мгновение и тут же вновь оказалась у него в руках. Эльф остановилась, собираясь броситься на помощь подруге, но Аманда вырвалась и оказалась по другую сторону от капитана ближе к южной аллее, где толпилось множество людей.

– Беги! – закричала она и помчалась к залитой светом площадке.

Нервно смеясь от волнения, Эльф подхватила юбки и понеслась по заброшенной аллее друидов, слыша за собой разгневанный рев капитана.

Фонари не без умысла устроителей вечера скудно освещали эту часть парка, тропинки извивались и разветвлялись. Эльф миновала слившуюся в объятии парочку на скамейке и не заметила, как проскочила через хлесткий кустарник.

Через некоторое время она остановилась, тяжело дыша. Вот дьявол! Годы, когда она старалась быть истинной леди, изрядно подорвали ее силы.

Тут девушка услышала гулкий топот. Ей не удалось от него оторваться.

Нырнув в темные кусты и шпалеры, окаймлявшие тропинку, она продиралась сквозь них, стараясь не шуметь. Раздался треск рвущегося шелка. Подумав об очаровательном домино Аманды, она утешилась тем, что по крайней мере не надо переживать за подругу, если только та не решила вернуться помочь ей.

Густые заросли и глубокие тени нагоняли страх, но девушка упорно пробиралась дальше, отыскивая прогалины в чаще. Естественные или сделанные специально, они явно имели определенное назначение. Она чуть не наступила на парочку в самом разгаре любовной страсти.

У нее непроизвольно вырвалось извинение, которое было встречено проклятиями джентльмена, приподнявшегося над своей дамой. С трудом подавив смех, она поспешила прочь.

Удалившись на достаточное расстояние. Эльф остановилась и прислушалась.

Вдалеке раздавались треск и хлопки, производимые фейерверком. Несколько поближе неудавшийся любовник все еще выкрикивал ее имя. Целый хор голосов требовал, чтобы он заткнулся и убрался подальше. Подумать только, кусты просто кишели любовниками!

Ясно, что капитан окончательно потерял след. Ее план сработал.

Он умолк, и Эльф снова забеспокоилась. Она выставила его дураком, а капитан явно не из тех, кто спустит такое, и, более того, не глуп. Она предположила, что он тоже стоит, прислушивается, выжидая, как хороший охотник, когда дичь обнаружит свое присутствие.

Ступая как можно тише и осторожно обходя притаившиеся парочки, Эльф старалась уйти от того места, где слышала его вопли в последний раз. Где-то ей удавалось пролезть между кустами или проскользнуть между стволами деревьев, но иногда чаща становилась просто непроходимой и приходилось двигаться в обход. Вскоре она безнадежно заблудилась.

Эльф остановилась в кромешной тьме среди густых зарослей тиса. Фейерверк закончился, и в тишине не раздавалось ни звука, который указал бы ей направление. С Амандой ничего не случится, если она не сунется на глухие тропинки в поисках Эльф. И единственное, что Эльф могла сделать для подруги, так это вернуться на освещенную южную аллею как можно скорее.

Она решила, что будет безопаснее держаться подальше от тропинок. Придется, набравшись терпения, бродить по кустарнику в надежде услышать оркестр. Сюда не доносились звуки музыки, что доказывало, как далеко она забралась от центра парка. Теперь Эльф, напрягая слух, не слышала даже возни любовников. Безмолвный зловещий мрак окружал ее со всех сторон...

Она поняла, что у нее больше нет оснований обходить тропинки. Надо только быть начеку, чтобы нырнуть в кусты, если вдруг появится капитан.

Бедный плащ, вздохнула девушка. Ну и вид у нее будет, когда она наконец появится в освещенном месте!

Тут ее осенило. Стараясь не шуметь, Эльф расстегнула домино, сняла его, затем вывернула наизнанку, так что темная подкладка оказалась сверху, и снова набросила. Теперь можно не бояться окончательно испортить его. К тому же яркий цвет плаща был слишком заметен. Когда же она наконец выберется на свет, то вывернет его налицо, не рискуя показаться оборванкой.

Довольная собой, девушка двинулась дальше. Только она попробовала выбраться из зарослей тиса, как на тропинке раздался звук шагов.

– Это место вполне подойдет, – раздался тихий вкрадчивый мужской голос.

Боже всемогущий, неужели ей предстоит присутствовать при непристойной сцене обольщения?

– Да, здесь достаточно тихо, – послышался другой приглушенный мужской голос, – итак, что вам нужно?

Несмотря на то что Эльф была защищена от суровой реальности жизни, она все же имела некоторое представление о мире за стенами ее дома. На мгновение она предположила что станет невольной свидетельницей встречи извращенцев. Но следующая фраза рассеяла ее страхи.

– Ваша приверженность делу поставлена под сомнение милорд. Возникли серьезные опасения.

– У кого?

Аристократическая манера говорить, слегка растягивая слова, показалась ей знакомой, но могла принадлежать кому угодно. Эльф знала почти всех лордов в Лондоне.

– У тех, кто рискует бо́льшим, чем вы.

– Сомневаюсь, что кто-нибудь из вас может потерять больше, чем я.

– Что ж, возможно, в этом причина всех опасений. – В голосе говорившего зазвучал шотландский акцент, и он заговорил менее почтительно. – Что получите вы, милорд, если мы победим?

– Торжество справедливости, – не колеблясь заявил милорд. – Восстановление Стюартов на принадлежащем им по праву троне.

При этих словах Эльф почувствовала себя так, как если бы ей плеснули за шиворот ледяной воды. Мороз пробежал по коже.

Измена!

Но ведь восстание якобитов⁹ было подавлено еще семнадцать лет назад, в 1745 году. Головы последних лордов, поддержавших восстание, все еще гниют над воротами Тем-пля.

Эльф с самого начала застыла как статуя, а теперь боялась вздохнуть. По сравнению с замышляющими измену предателями сладострастный капитан уже не представлял серьезной опасности. Если ее обнаружат, то наверняка перережут ей горло.

Постепенно, вздрагивая при малейшем шорохе, производимом одеждой, Эльф извлекла из корсета кинжал. Эта крошечная вещица с лезвием не длиннее ее ладони все же оружие.

⁹ Странники Якова II, короля Англии с 1685 года, низложенного в ходе государственного переворота в 1688 году.

– Сомневаюсь, что вами движут идеалы, милорд, – раздраженно заявил шотландец. – Возможно, вы рассчитываете на высокое положение и власть при новом режиме. Но вы должны понимать, что многие претендуют на это уже не одно поколение.

– Моя семья имеет не меньше прав.

Неужели этот лорд – шотландец? Мало кто в Англии поддерживал Стюартов, и только у нескольких шотландских лордов не было акцента.

Тот, кого называли милордом, заговорил опять с нарочитым пренебрежением:

– Если вам не нужна моя помощь, скажите это. Я вам не навязываюсь. Но не представляю себе, как вы сможете приблизиться к королю без моего участия.

– Вы слишком много знаете, милорд, чтобы вам позволили выйти из дела.

В воздухе повеяло откровенной угрозой, и сердце Эльф учащено забилося. Убийство? Как она может стоять здесь, ничего не предпринимая, если угрожают убийством, пусть и изменнику?

– Не угрожайте мне, Мюррей, – высокомерно ответил милорд. – Я оставил подробное описание всего плана на случай моей безвременной кончины и в состоянии позаботиться о себе.

Эльф услышала смертоносный свист шпаги, вытаскиваемой из ножен.

Затянувшееся молчание чуть не убедило девушку, что она осталась одна, если бы они могли исчезнуть совершенно бесшумно.

– Успокойтесь, милорд, – проговорил наконец шотландец с тревожными нотками в голосе. – Нет необходимости прибегать к оружию. Мы все на пределе теперь, когда час близок. В конце концов, вы могли быть подосланы правительством или оказаться провокатором.

Милорд рассмеялся:

– Что за чушь! Вы больше подходите для этой роли. Разумеется, на это можно пойти только ради денег, а я в них не нуждаюсь. Это все?

Было очевидно, что милорд овладел ситуацией, так как шотландец униженно ответил:

– Да, милорд.

– Тогда не настаивайте больше на подобных встречах. Ждать осталось недолго, а инциденты такого рода опасны, не говоря уже о связанных с ними затруднениях.

– Вы совершенно правы, милорд.

Наконец по скрежету гравия под ногами Эльф поняла, что они уходят.

Вздыхнув полной грудью, она начала дрожать, отходя от пережитого напряжения. О небо, что ей делать? Кто-то затевает что-то ужасное против короля, намереваясь подкрепить это вооруженным вторжением.

Она должна предотвратить заговор!

Немного успокоившись, Эльф подумала, что настоящий искатель приключений нашел бы способ выглянуть и узнать бы английского лорда. А она затаилась, как испуганный кролик. Теперь по свежим следам Эльф пыталась связать с голосом имя или лицо его обладателя. Хотя девушку не покидало ощущение, что они знакомы, у нее ничего не получалось.

Милорд говорил очень тихо, но она уже слышала этот голос. Он, несомненно, молод. Эльф почти видела гордую осанку, надменный взгляд...

Нет, ей не вспомнить.

Возможно, это придет в голову само собой, если она перестанет рыться в памяти. Или если снова встретит его. А сейчас надо выбираться из этой переделки, найти Аманду и благополучно вернуться домой.

Она отправится в Маллоран-Хаус и поговорит с Ротгаром. Внезапно Эльф вспомнила, что его там нет. Никого из братьев не было. Ее временное избавление от их опеки становилось малоприятной проблемой.

Размышляя, сколько времени потребуется, чтобы послать сообщение любому из них, девушка осторожно пролезла через живую изгородь на тропинку. Однако, выбравшись из кустов, заметила мужчину, в глубокой задумчивости стоявшего в тени. Это был плотный, неброско одетый человек в треуголке, надвинутой на бесцветные волосы.

Эльф застыла на месте, затем попятилась, пытаясь скрыться. Но слишком поздно – он поднял глаза и увидел ее. Она никогда не встречала этого человека, но теперь могла бы узнать, так как на нем была только небольшая маска.

И он это понял.

Изумление сменилось откровенной тревогой. Он бросился к ней и схватил за руку повыше локтя. Вспомнив о кинжале Эльф ударила его по запястью, глубоко, до кости, вонзив лезвие. Он взвыл. Спасая свою жизнь, она бросилась прочь молясь и надеясь, что бежит в нужную сторону.

Мужчина подавил крик боли, и теперь она слышала за собой только топот его ног. Или это кровь с такой силой стучала в ее ушах?..

Запыхавшись, Эльф совсем заблудилась среди извилистых тропинок и уже подумывала, не забраться ли опять в кусты. Но тяжелое дыхание ее преследователя становилось все ближе.

Где же люди? Кто угодно. Она готова была кинуться сверху на скользящую парочку, только бы найти защиту, обрадовалась бы, встретив даже капитана.

На секунду остановившись у развилки трех тропинок, Эльф перевела дыхание и прислушалась. Ее сердце стучало так громко, что она с трудом уловила отдаленные звуки оркестра. Но людей поблизости не было.

Бросив безумный взгляд назад, она увидела, что преследователь настигает ее. Отчаяние придало ей силы, и девушка понеслась на звуки музыки.

Завернув за поворот, Эльф увидела свет. Впереди сияла тысячами огней, как земной рай, заполненная народом южная аллея, но всего в нескольких шагах за собой она слышала хриплое дыхание.

Рука вцепилась в ее плащ. Она рванула его и помчалась дальше, сжимая в руке кинжал. Сердце было готово разорваться в ее груди. Она бы умерла, если бы остановилась. Возле самых огней какой-то человек обернулся к ним. Темный силуэт возник на фоне света от фонарей. Высокий мужчина в темной одежде. Ей все равно, кто он.

– Помогите! – закричала она и бросилась ему на грудь.

Непроизвольно руки джентльмена обхватили ее, когда он качнулся от столкновения. В это мгновение с чувством безмерного облегчения Эльф узнала его, несмотря на узкую черную маску.

– Слава богу! – выдохнула девушка, кинувшись в объятия графа Уолгрейва.

Она спасена!

Спасена...

Припав к его груди, Эльф никак не могла отдышаться.

– Она все слышала, – пропыхтел сзади голос с шотландским акцентом. – Она должна умереть.

Глава 3

Эльф замерла от ужаса, сообразив наконец, кому принадлежал надменный, казавшийся таким знакомым голос. Она – в объятиях своего шурина, лорда Уолгрейва, а тот – изменник.

Но в этом не было никакого смысла.

Что могло вынудить одного из самых богатых и влиятельных людей королевства связаться со Стюартами и мятежниками? Тут леди Маллоран вспомнила, что во время событий 1745 года его отец сочувствовал якобитам. Подобное безрассудство дало Ротгару власть над старым графом, которая в конечном итоге довела того до безумия.

Ее измученный ум пытался найти выход из создавшегося положения. Едва ли Уолгрейв узнал ее. Станет ли он просто стоять и смотреть, как убивают неизвестную женщину?

Или признаться, кто она такая?

Но он ненавидит Маллоранов. Эльф крепче сжала кинжал, хотя и не верила, что подобное оружие защитит ее от двух сильных мужчин.

Наконец Уолгрейв заговорил.

– Умереть... – недоуменно произнес он, сильнее прижимая ее к себе. – Черт возьми, приятель, да у этой прелестной пташки не хватит мозгов, чтобы думать о чем-нибудь более серьезном, чем украшения для шляпки. Если только, – многозначительно добавил он, – вы не вынудите ее к этому своим чрезмерным вниманием.

– Вы ее знаете, милорд?

Эльф осторожно выглянула и увидела, что шотландец все еще держит в руке длинный, зловещего вида кинжал.

Уолгрейв вздохнул, словно обремененный непосильной ношей.

– Это моя любовница. Она просто замучила меня своей ревностью. – Не слишком нежная рука приподняла ее подбородок. – Мне придется наказать тебя, кошечка. Я не потерплю, чтобы за мной следили и вмешивались в мои дела.

Дрожь пробежала по ее телу, когда она увидела сверкавшую в его глазах неподдельную ярость. Надеясь, что это не убийственная ярость, Эльф решила ему подыграть.

– Я так огорчена, монсеньор, – пролепетала она по-французски, шмыгая носом. Ей не пришлось прилагать особых усилий, чтобы изобразить волнение. – Я была уверена, что вы пришли сюда с ней.

– Даже если я пожелаю встречаться с другими женщинами, – бегло ответил он тоже по-французски, – у тебя нет никаких прав шпионить за мной. Тебе понятно? – В подтверждение своих слов он стиснул ее так, что она вскрикнула от боли.

– Да, милорд!

– Вот видите, – сказал он по-английски, обращаясь к своему сообщнику, – с ней не будет проблем.

Нож сверкнул в руке шотландца.

– При всем моем почтении, милорд, она может причинить вред даже своей бессмысленной болтовней.

– Ее английский недостаточно хорош для этого, но я не намерен спускать с нее глаз. Не беспокойтесь понапрасну. Я не позволю ей ни с кем разговаривать до тех пор, пока не будет слишком поздно.

С этими словами, не обращая внимания на все еще угрожающе занесенный клинок, он решительно повел Эльф в направлении освещенной южной аллеи.

Хотя сердцебиение стихло, девушка едва держалась на ногах.

Прильнув к Уолгрейву в поисках опоры, она прошептала:

– Merci, monseigneur!¹⁰

– Не торопитесь благодарить меня. – Он по-прежнему говорил по-французски, которым владел в совершенстве, хотя произношение его было не таким безупречным, как у нее. – Не сомневаюсь, мой шотландский друг следует за нами, и я действительно имел в виду то, что сказал. Вы – моя пленница.

– Пленница? Это невозможно!

– Что может мне помешать? Кем бы вы ни были, маленькая вертихвостка, вы сбежали от своих спутников и ввязались в безумную авантюру. Мне не составит труда заставить вас исчезнуть. Уберите свою игрушку, – добавил он, глядя на ее кинжал. – Это вам не поможет.

– Но он спас меня от того человека, – возразила Эльф, засовывая кинжал за корсет.

Она начинала успокаиваться. Насколько это вообще было возможно в этой ситуации. Нервы все еще трепетали, как туго натянутые струны арфы, но силы возвращались, и Эльф могла думать.

Уолгрейв ее явно не узнал. Этому едва ли приходится удивляться, пока она в маске. Главная опасность – в ее голосе, так как они довольно часто встречались. Видимо, то, что они говорили по-французски, служило неплохим прикрытием.

Они смешались с праздничной толпой. Эльф молилась, чтобы граф не догадался, кто она. Его ненависть к Маллоранам была такой неистовой, что, узнай он ее, с удовольствием отдаст в руки безжалостного шотландца, тем более если сам замешан в государственной измене. Но если ей удастся сбежать, он никогда не узнает, кого спас.

Господи, Эльф считала его повесой, бессердечным братом, злобным врагом, но никогда не думала, что он не в своем уме. Она поразмыслит над этой загадкой позже. А сейчас нужно продолжать водить его за нос, пока ей не удастся удрать. Эльф надеялась, что Уолгрейв все же в достаточной степени повеса, чтобы заинтересоваться легкомысленной французенкой.

– Пожалуйста, отпустите меня домой, милорд. Не будьте так жестоки!

– Жесток? Поверь, детка, я был очень добр, настоящий рыцарь. Это противоречит моей натуре, так что не испытывай судьбу.

– О да, милорд! Благодарю вас, милорд. Вы были просто великолепны! – Чем глупее она будет казаться, тем легче усыпить его бдительность. Эльф вспомнила об Аманде и огляделась вокруг. Посещение маскарада – ее идея, и она хотела быть уверена, что подруга благополучно вернулась домой целой и невредимой. Но голубого домино нигде не было видно.

Уолгрейв пробивался к выходу, раздвигая толпу, как Моисей – Красное море. Хотя он был в маске и простой темной одежде, что-то в его манерах заставляло обыкновенных смертных уступать ему дорогу.

Где же Аманда?

Она должна удостовериться, что подруга в безопасности. Кроме того, нельзя допустить, чтобы Аманда подняла шум и крик. Эльф надеялась к утру попасть домой, и тогда никто не узнает о ее глупой проделке. Но если Аманда поднимет тревогу, они обе окажутся в затруднительном положении.хлопот не оберешься.

Эльф уже начала было отчаиваться. По мере приближения их к реке даже Уолгрейву пришлось замедлить свое величественное продвижение. Теперь Эльф могла искать подругу с бо́льшим вниманием. Наконец она заметила даму в голубом домино, стоявшую на скамье под деревом и отчаянно вглядывавшуюся в толпу. Аманда обезумела настолько, что даже сняла маску.

Эльф сосредоточенно уставилась на нее, как будто усилием воли хотела привлечь ее внимание. Дважды взгляд подруги скользнул по ней. Тут Эльф сообразила, что Аманда ищет крас-

¹⁰ Благодарю, монсеньер! (фр.)

ный плащ, а ее домино все еще оставалось вывернутым наизнанку. Она быстро откинула капюшон, выставляя на обозрение ярко-красный шелк.

Взгляд Аманды вновь скользнул по ней, затем застыл. С радостной улыбкой подруга помахала рукой и прыгнула со скамейки. Эльф недовольно зашипела: Аманда может попасть в беду, ведь Уолгрейв сразу ее узнает.

Минуту она размышляла, нельзя ли использовать ситуацию, чтобы удрать самой. Едва ли Уолгрейв попытается захватить в плен их обеих. Но тут она вспомнила о свирепом шотландце. Кроме того, нельзя допустить, чтобы Аманда, которую теперь легко узнать, оказалась в опасности.

Пока Уолгрейв, не отрывая взгляда от толпы, вел ее вперед, Эльф смотрела в том направлении, откуда могла появиться Аманда. Как только подруга пробилась к ним, Эльф предостерегающе подняла руку, приказывая той остановиться. Аманда замерла на месте, вопросительно глядя на нее. Эльф сделала ладонью отгоняющий жест, надеясь, что Аманда поймет его как сигнал идти домой.

У самого выхода из парка Уолгрейва снова задержали. Выругавшись, он сосредоточил внимание на людях, загораживавших проход.

Эльф повернулась и произнесла одними губами:

– Иди домой, со мной все в порядке.

Аманда нахмурилась, украдкой рассматривая ее спутника, затем ее рот приоткрылся от удивления, а глаза расширились, выражая восторг и ужас одновременно.

Наконец Уолгрейв, оттеснив толпу, повел Эльф к реке. Этого еще не хватало! Аманда решит, что она по собственному желанию собирается провести ночь любви с графом своей мечты.

Когда они выбрались из толпы и направились к причалу, Эльф оценила единственный положительный момент в нелепой ситуации: Аманда не одобряет ее поведения, но не поднимет тревогу из опасения навсегда погубить репутацию подруги.

И Аманда будет в безопасности. Ей всего лишь надо нанять лодку, которая доставит ее к ближайшему от Уорвик-стрит спуску. Лакей получил указание ждать там весь вечер, чтобы проводить дам до дома. Конечно, вернется только одна дама, но Аманда найдет подходящее объяснение.

Теперь Эльф могла сосредоточиться на собственном положении и этом невероятном деле об измене.

Ей надо поговорить с братьями, но пройдет не один день, прежде чем они вернутся. Девушка не имела представления, когда должен осуществиться заговор. Уолгрейв дал понять, что она будет пленницей всего несколько дней. Шотландец говорил, что час близок.

Ясно одно: Эльф не может дожидаться братьев. Ей придется самой что-то предпринять. За терзавшими ее страхом и беспокойством девушка ощутила дрожь возбуждения. Наконец-то и ей предстоит испытание! Сама мысль об этом не могла не вызвать восторг в душе истинной представительницы рода Маллоранов. Теперь она до конца поняла, почему Шон избрал трудную, полную опасностей жизнь.

Итак, что же делать?

Идя с Уолгрейвом к лодкам, Эльф перебирала возможные варианты. Прежде всего она пошлет за братьями, но тем временем будет действовать.

Девушка мысленно составила план, словно готовилась к важному приему.

Первым делом необходимо сбежать от Уолгрейва, но так, чтобы граф оставался в неведении, кто был в его власти.

Во-вторых, надо разузнать подробно все о заговоре. А может, сделать наоборот и остаться с Уолгрейвом? В этом случае она могла бы лучше раскрыть замыслы заговорщиков.

Нет. У графа наверняка определенные планы относительно их совместного времяпрепровождения, которые не включают бесед на политические темы.

В-третьих? Захватить изменников и передать их правосудию, подумала она. Но при этом Уолгрейв не должен закончить свои дни в заточении. Вспомнив, что только вчера обещала Частити предотвратить подобное несчастье, Эльф с трудом сдержала истерический смех.

Наказание за измену предполагало повешение, утопление или четвертование. Впрочем, предводители якобитов были обезглавлены. Она взглянула на стоявшего рядом графа; правильные надменные черты лица, вьющиеся темно-каштановые волосы, перехваченные черным бантом. Неужели эта красивая голова будет отсечена топором и выставлена гнить на всеобщее обозрение!

Эта мысль показалась ей невыносимой.

И он будет не единственным, кто пострадает. Изменник и его наследники автоматически лишаются всех прав, титула и имущества. Частити ждет позор, а значит, и Шона – шурин изменника может распрощаться с военной карьерой!

Непредсказуемые последствия поколебали решимость Эльф и ее веру в способность справиться с ситуацией. Девушка не представляла, что делать. Ей искренне хотелось, чтобы Ротгар оказался рядом. Она свалила бы весь этот груз на его широкие плечи и опять занялась бы устройством грандиозных приемов.

Но сейчас она одна и должна сделать то, что должна. Прежде всего – бежать.

Почувствовав, что хватка графа на миг ослабла. Эльф рванулась из его рук. Он мгновенноотреагировал, прижав ее к себе с такой силой, что девушка испугалась за свои ребра.

– Только дай мне повод, – произнес он ровным голосом, – и тебе будет еще больнее.

Эльф вздрогнула, понимая, что он говорит правду. Пусть даже и выручил глупую девочку, но в случае чего не колеблясь причинит ей боль.

Она подумала о том, что плохо его знает и не может предугадать его поступки. До того как Шон увлекся Частити, их семьи редко встречались. Кроме того, лорд Торнхил, нынешний граф Уолгрейв, посещал места, где едва ли могла появиться истинная леди. Молва шла о нем как о распутнике.

После знакомства мнение Эльф о нем не изменилось к лучшему. Она считала его вспыльчивым, высокомерным и равнодушным к людям. Имея дружную семью, девушка поражалась, как мало он заботится о благополучии своих сестер, ставших жертвами жестокого, честолюбивого отца. Ротгар заставил его согласиться с этим, но Уолгрейв не был ему за это сколько-нибудь признателен. После смерти старого графа он, казалось, пересмотрел свои принципы, но держался еще холоднее и выказывал глубокую, еле сдерживаемую злобу ко всему, имеющему отношение к Маллоранам.

Бог знает почему.

Маловероятно, что он любил своего властного отца. Но даже если так, зачем винить Ротгара в смерти четвертого графа Уолгрейва? Возможно, Ротгар нажал на курок, но значит, у него не было другого выхода.

Какова бы ни была правда, Уолгрейв старался идти по стопам своего отца во всем, включая вражду с Маллоранами.

Чувствовать физическое влечение к этому человеку – чистейшее безумие. Но даже сейчас, будучи пленницей в его недобрых руках, она ощущала, как его эротическая притягательность вызывает нервный трепет во всем теле, пробуждая чувственность ее натуры.

«Сейчас же прекрати, глупое создание», – мысленно прикрикнула она на себя.

Оглянувшись назад, чтобы посмотреть, следует ли за ними Аманда, Эльф увидела три зловещие фигуры в темных плащах и треуголках. Ясно, что ими движет не жажда развлечений, несмотря на маски. Они были похожи на убийц.

– Да, – проговорил Уолгрейв все еще по-французски, – тебе лучше оставаться со мной. Они перережут твоё очаровательное горлышко не моргнув глазом.

Неужели это его сообщники? Как он может быть настолько глуп!

– Впрочем, тебе не следует бояться, – предупредил он без всякого сочувствия. – Если будешь слушаться, ничего с тобой не случится.

Лодочники все еще доставляли припозднившихся гуляк, но к тому времени немало свободных лодок поджидало пассажиров, чтобы доставить их в город. Эльф стала прикидывать, нельзя ли использовать лодочников для побега. Однако при появлении Уолгрейва лакей в напудренном парике отделился от группы слуг, ожидающих возвращения хозяев, и дунул в серебряный свисток. Тотчас частная барка, направляемая усилиями шести крепких гребцов, скользнула к ним по воде.

Эльф разочарованно наблюдала за ними. Судя по ливреям, это были люди графа. Ей следовало догадаться раньше. Ротгар обычно путешествовал подобным же образом.

В центре лодки находилась освещенная подвешенными к потолку фонариками и украшенная гербом Уолгрейва кабинка, отгороженная зелеными бархатными занавесками. Когда лодка, отчалив, устремилась к середине широкой реки, граф втокнул ее внутрь и сел рядом, задернув занавески.

Места здесь хватало на восьмерых, поэтому двоим было совсем не тесно, тем более что граф непринужденно развалился на противоположной от Эльф стороне. Теперь, оказавшись с ним наедине, девушка чувствовала себя как в ловушке. Он был вдвое больше нее и, как она слышала, увлекался различными мужскими видами спорта, включая вошедший в моду бокс.

– Как вы поступите со мной, милорд? – спросила она с непритворным беспокойством.

– Интересный вопрос. – Он снял маску и бросил на подушку.

Надо же, всего лишь узкая полоска черного шелка, но без нее он кажется менее зловещим. Однако Эльф не собиралась недооценивать угрожавшую ей опасность.

– Сними маску, – приказал он тоном, лишившим ее остатков самообладания.

Неужели он ее узнал?!

Эльф вцепилась в маску с единственной целью – прикрыть ладонью рот и подбородок.

– О нет, милорд!

– Почему нет?

– Я стесняюсь, милорд. На самом деле я честная девушка. Это просто глупая выходка...

– Ты думаешь, что сможешь оставаться в маске целую неделю? – Веселые искорки блеснули в его глазах, что было совсем не похоже на него...

Тут до нее дошел смысл его слов.

– Неделю?!

– Я не могу отпустить тебя, пока не произойдут некоторые события.

Измена, вспомнила она. Как он мог настолько повредиться в уме?

– К тому же, – добавил он, – если ты подумываешь о побеге, не забывай, что есть люди, которые поймают тебя и убьют. Может, тебе это покажется странным, но со мной ты в большей безопасности.

Эльф отвернулась, скорее обеспокоенная, чем испуганная. Может быть, Аманда и не поднимет тревогу этой ночью, но, если Эльф не вернется домой завтра, она поставит на ноги всю армию! Следовательно, бежать надо сегодня.

Она раздвинула занавески, глядя на темную воду, на раскачивающиеся фонари других лодок, на далекие огни причалов и зданий на берегах реки. Отсюда не убежишь, а убийцы следуют за ней по пятам.

– Уверен, что они там, – лениво проговорил граф. – Итак, как насчет маски?

Эльф повернулась к нему:

– Позвольте мне остаться в ней еще немного. Пожалуйста. Я так напугана.

Он сокрушенно покачал головой:

– Ты удивительно глупое создание. Сколько тебе лет?

– Двадцать, – солгала она.

– Вполне достаточно, чтобы быть умнее. Как тебя зовут? Не сомневаюсь, что имя вымышленное, но должен же я как-то к тебе обращаться.

– Лизетт. Имя настоящее.

– Что ж, сойдет, – согласился он со скептическим видом, протягивая ей руку.

Эльф инстинктивно повела себя, как было принято в их кругу – вложила кисть руки в его ладонь. Вместо того чтобы поцеловать ее, Уолгрейв рывком притянул ее к себе на колени.

Вскрикнув от неожиданности, она уперлась руками в его грудь, стараясь сохранить дистанцию, но он резким ударом оттолкнул их и прижал ее к своему телу.

– Нам предстоит долгий путь, Лизетт, и я вправе требовать развлечения.

Мерзавец! Как истинная леди, Эльф страстно желала залепить ему пощечину, но ей надо играть роль глупенькой Лизетт. Более того, теперь, когда она находилась так близко от него, угроза разоблачения возросла.

– Куда вы везете меня, милорд? – спросила она, отворачиваясь.

– К себе домой.

Его дом располагается близко от реки и наверняка имеет собственную пристань. Эльф начала серьезно опасаться, что в конечном итоге ему удастся держать ее в плену. Как покинуть лодку, не утонув в Темзе? Она не видела способа вырваться на свободу и на пристани в присутствии слуг и шестерых мощных гребцов. Попав в дом, она может оказаться под замком.

Она подумала о единственном способе выкрутиться. Если граф поверит, что ей льстит внимание знатного соблазнителя и поддастся вожделению, тогда, возможно, его бдительность ослабнет. Но получится ли? После секундного колебания девушка решила, что стоит попытаться. Спасение – в ее руках.

Она повернулась и, расслабившись, прильнула к нему:

– Я никогда не была в доме лорда.

Чтобы не поднимать голову, она изображала застенчивость, поигрывая резными пуговицами из черного янтаря на его камзоле, тоже черном. Граф был в глубоком трауре и носил простой черный камзол и бриджи, хотя на ощупь шерсть оказалась прекрасного качества. Даже для изменника граф одевался не бедно.

– Никогда не была в доме лорда? – По голосу она определила, что его настороженность спадает. Одной рукой он по-прежнему крепко обнимал ее, но другая, скользнув, принялась поглаживать ее шею. – Тогда это станет для тебя приятным приключением, дорогая. – От его дразнящих прикосновений по ее телу побежали мурашки. – Ты сможешь гонять слуг с поручениями, купаться в молоке и завтракать на золотой посуде. Разумеется, если я буду тобой доволен.

Похоже, он возмутительно уверен в себе. Впрочем, женщины наверняка готовы на все, стоит такому красивому молодому аристократу поманить их пальцем. Или прикоснуться к ним. Его блуждающая рука добралась до чувствительного местечка за ее ухом, вызвав такое необыкновенное ощущение, что Эльф вздрогнула.

– Милорд, я честная девушка, – слабо запротестовала она, не слишком надеясь его убедить.

Будут ли честной девушке отвратительны его прикосновения? Наверное, нет.

– Невинная? – прямо спросил он.

Она кивнула, теперь в самом деле испытывая смущение.

– В таком случае я буду очень внимателен. Тебе не покажется это слишком неприятным, а после первого раза будет лучше. Ну а теперь, – сказал он, приподняв ее подбородок, – честно признавайся: не поднимет ли твоя семья шум?

Если бы он только знал! Эльф надеялась, что эти мысли не отразились в ее глазах.

– Из-за моего отсутствия, милорд? Я приехала из Франции и живу в доме моей английской кузины, замужней женщины. – Она опять опустила голову. – Думаю, она пока еще не подняла тревогу...

– Как любезно с ее стороны. – В его голосе прозвучал откровенный цинизм. – А что случится, если ты не вернешься через день или два?

Она пальчиком поглаживала галуны на его камзоле.

– Ну, если я буду с таким прекрасным лордом...

– Никто не будет чрезмерно огорчен. – Его пальцы снова скользнули в ее волосы, на сей раз чтобы заставить ее запрокинуть голову и повернуться лицом к нему. – Я не выношу сцен. Давай уточним все сразу. Я не намерен жениться на тебе. Если у тебя будет ребенок, я заплачу достаточно, чтобы позаботиться о нем, но не женюсь. Мне даже не нужна постоянная любовница. Когда ты мне надоешь, я сделаю тебе щедрый подарок и расстанусь с тобой. Но рассчитываю, что ты будешь благоразумна и обойдешься без сцен.

Эльф закрыла глаза в надежде, что граф примет это за шок, но ей необходимо скрыть свой гнев. Какова наглость! И как ужасно, что многие женщины должны соглашаться на такие условия.

– Ну? – требовательно спросил он.

Ему действительно все равно, чем вызвано ее негодование. Лизетт – одна из сотен молодых женщин. Она просто оказалась под рукой.

То, что перед ним не Лизетт, а леди Эльфлед Маллоран, сейчас ничего не меняет, но она определенно не привыкла, чтобы с ней обращались как с кем-то, подвернувшимся под руку.

Сознавая, что выглядит слишком ошеломленной и взволнованной, Эльф открыла глаза и проговорила:

– Конечно, вы никогда не женитесь на мне, милорд. Я и не ожидала ничего подобного. Но совершить такой ужасный поступок, потерять невинность...

– Продать, – поправил он ее. – Пять сотен гиней, когда мы расстанемся. Достаточно, чтобы будущий муж пренебрег некоторыми незначительными деталями.

Эльф прожила жизнь в богатстве и занимала высокое общественное положение. Надо полагать, по-своему она так же высокомерна. И ее братья, несомненно, способны торговаться не менее хладнокровно, покупая живой товар. Теперь же, оказавшись по другую сторону сделки, она была потрясена.

– Ну? – спросил он опять. – Я не собираюсь насиловать тебя. Но если мне предстоит охранять тебя целую неделю, плотские утехи позволят скоротать время.

Напомнив себе, что нужно использовать любую возможность для побега, она теснее прижалась к нему.

– Если вы пообещаете быть добрым, милорд, – прошептала она.

– Умница. – Желая успокоить, он ласково, как котенка, потрепал ее по шее. – Ты не пове-ришь, каким добрым и терпеливым я могу быть, Лизетт. А теперь давай получше рассмотрим тебя.

Он развязал ленты ее домино и откинул его. При виде ее платья граф моргнул.

– Дорогая Лизетт, тебе необходимы уроки хорошего вкуса.

Она оттолкнула его:

– Как вы смеете!

– Кажется, я тебя обидел? – засмеялся он. – Дорогая, мне не приходилось видеть более чудовищного костюма.

Эльф готова была ударить его, но опасалась, что тем самым обнаружит свои истинные привычки.

– Это мои самые любимые вещи, – надувшись, сообщила она.

– Тогда надо благодарить Бога, что мне не придется представлять тебя ко двору. – Он погладил пальцами ее сердито сжатые губы. – По мне, так можешь носить одежду всех цветов радуги, крошка. Я могу даже купить тебе ее, если пожелаешь. Но сейчас предпочел бы видеть тебя обнаженной... – Он запрокинул ее голову и мягко прижался губами к ее рту.

Вне себя от возмущения. Эльф, однако, не могла выразить свой протест и была вынуждена терпеть, пока раздражение не уступило место другим ощущениям.

Лорд Уолгрейв действительно мог быть терпеливым. Он не навязывал ей поцелуя, но не отрывался от ее рта, щекоча и покусывая ее нежные губы. Его руки скользили по ее телу, пока она не расслабилась и, сама не ведая того, ответила на поцелуй.

Леди Эльфлед Маллоран целовали раз или два, но никогда с таким непревзойденным мастерством. Даже самые смелые поклонники не могли бы увлечься настолько, чтобы забыть о маркизе Ротгаре.

Уолгрейв не подозревал, что ему надо кого-то опасаться. К тому же ему действительно ничто не угрожало, и он чувствовал себя совершенно непринужденно.

Преодолев первое сопротивление, он теснее сжал ее в объятиях и пустил в ход язык. Поначалу Эльф противилась, но затем расслабилась. Ее самозабвенно целовал настоящий виртуоз, и было глупо отказываться от такого удовольствия.

Неосознанно поддаваясь какому-то сладострастному порыву, она обвила руками его плечи и ласкала ладонями его шею, пока его губы терзали ее рот. Она не знала, что испытывает он, но прикасаться к его коже оказалось почти так же приятно, как чувствовать его руки на своем теле.

Казалось, кончиками пальцев она чувствует его вкус, который смешивался со вкусом его поцелуя и ощущением близости его тела. Наслаждение нарастало быстрее, чем она могла вообразить...

Вдруг она почувствовала, что его рука сжала ее грудь. Даже сквозь корсет и сорочку это прикосновение отозвалось в ней сладкой истомой. Он расстегнул спереди ее платье, и теперь только отороченный кружевом корсет и красная атласная нижняя юбка прикрывали ее.

Девушка оторвалась от губ графа с твердым намерением остановить его, но он прикрыл ее рот ладонью:

– Шшш...

К собственному смятению, она подчинилась.

Причиной тому были его глаза, неправдоподобно голубые. Она и раньше чувствовала, что они опасны, но впервые видела в них улыбку. Ему следует улыбаться чаще, подумала Эльф.

Их окутывала эротическая аура, которую она всегда ощущала в его присутствии, даже при случайном соприкосновении. Сейчас это чувство переполняло ее, туманя сознание и вызывая лихорадочную дрожь.

Может, все дело в аромате?

Нет. Конечно, от него исходил легкий запах мускуса в сочетании с чем-то неуловимым и приятным. Но ауру могло воспринять только ее женское естество, предназначенное самой природой откликаться на зов мужчины.

Его руки скользнули ей за спину, возбуждая сладостный трепет своими нежными прикосновениями. Умелыми движениями он ловко распустил шнуровку и, приспустив ставший свободным корсет с ее груди, прикоснулся к обнажившемуся соску.

Эльф определенно ступила на неизведанную территорию. Она сознавала, что должна возражать, сопротивляться. Но это так восхитительно!

И случится ли что-нибудь подобное опять? Ей удалось скрыться от Эльфлед Маллоран, с которой следует обращаться чрезвычайно почтительно. Сейчас она просто женщина, получающая удовольствие в объятиях мужчины. И какого мужчины...

Она расслабилась в его руках и улыбнулась. Он улыбнулся ей в ответ, такой не похожий на вечно мрачного, ироничного шурина. Она почти поверила, что он превратился в кого-то другого.

В мужчину, являвшегося ей в мечтах.

– Тебе нравится, кошечка? Подожди, то ли еще будет. – Он высвободил ее грудь из жесткого корсета и склонился над ней.

При первом прикосновении его языка Эльф задохнулась. Когда его зубы коснулись соска, она вскрикнула и схватила его за волосы, чтобы остановить.

Он взял сосок в рот, и она прошептала:

– *Juste ciel*¹¹ – и теснее прижала его к себе.

– Да, – нежно проворковал он, обдавая ее обнаженную плоть теплым дыханием. – Вряд ли на небе лучше, правда малышка? – Он передвинулся, чтобы подвергнуть сладкой муке ее другую грудь.

Эльф вдруг осознала, что вцепилась в его шелковистые волосы с такой силой, что вытаскивала из них ленту. Она ослабила напряженные пальцы и в этот момент ощутила томительную пульсацию между ног, значение которой ей было более чем понятно.

Никогда раньше она не испытывала такого страстного желания. Она хотела этого человека, нуждалась в нем так, как не могла себе даже представить.

Определенно она много чего пропустила!

Нежные, воркующие звуки поразили ее, и она с изумлением поняла, что они рождаются в ее собственном горле. Это отрезвило ее.

Ей угрожает опасность самой угодить в ловушку, которую она расставила для него. Еще немного, и она совершенно забудет, что собиралась бежать!

«Бежать», – напомнила она себе. А это значит, что его надо одурманить. Как, она не имела ни малейшего представления. Чувственная сторона ее натуры подсказала, что можно позволить ему совершенно себя одурманить, а затем посмотреть, что будет дальше.

Не отрывая губ от одной груди, он ловкими пальцами обнажил другую. О да, думала Эльф, воркуя от удовольствия, ему можно позволить просветить ее. В конце концов разве не хотела она испытать все, и разве Уолгрейв не обладает редким мастерством?

Тут ее мысли прояснились. Невозможно заниматься любовью в маске, а если откроется, кто она, это станет настоящим бедствием. Не говоря о грядущем скандале и его отношении к Маллоранам. Меньше всего ей хотелось, чтобы изменник узнал что Эльфлед Маллоран известны его секреты.

Предатель. Измена. Думай, Эльф!

Эльф прилагала все усилия, чтобы не обращать внимания на ласки графа, собраться с мыслями, и пыталась найти способ его переиграть.

Благовоспитанная леди, имеющая четырех братьев, всегда готовых вступить за ее честь, она была не слишком опытна. Но с другой стороны, один из братьев – ее близнец – искренне делился с ней своими секретами, так что она не совсем невежественна и имеет некоторые теоретические познания о том, что делать дальше. Вот только хватит ли ей храбрости?

Конечно, ведь она – Маллоран.

Слегка отодвинувшись, Эльф прижала ладони к его груди. Затем, пока его искусные руки и губы сводили ее с ума, скользнула рукой вниз, нащупав твердую выпуклость, а это должно означать, как она слышала, что он хотя бы наполовину готов.

О боже! Он, должно быть, совершенно готов.

Граф поднял голову и посмотрел на нее с веселым изумлением в глазах:

– Я считал тебя совсем невинной пташкой.

¹¹ О небеса! (*фр.*)

– Я невинна, милорд! Но не совсем невежественна...

Девушка не представляла, что делать дальше, и поэтому пощекотала его ноготком.

Уолгрейв засмеялся:

– Твое заключение обещает быть восхитительным, Лизетт. – Однако убрал ее руку и помог ей сесть. – Отложим это. Мы приехали.

Со спокойной деловитостью опытной горничной он затянул шнуровку ее корсета, затем застегнул крючки платья поправил плащ и поднял ее на ноги.

Эльф позволила ему обращаться с собой как с куклой, онемев от сознания, что лодка причалила к спуску и надежно привязана, а она ничего не заметила.

Вот и заморочила ему голову!

Она вздрогнула, исполнившись страха и дурных предчувствий. Ей следует быть повнимательнее, если она все еще хочет бежать.

Граф уже выбрался из лодки и повернулся, чтобы помочь ей ступить на ярко освещенный спуск, ведущий к Уолгрейв-Хаусу. Эльф оглянулась, высматривая своих преследователей, но не увидела ничего, кроме темной реки с разбросанными там и сям мерцающими огоньками других лодок. Ничто не говорило о том, что убийцы где-то рядом.

Она осмотрелась, тщетно надеясь найти способ бежать. Стена высотой в человеческий рост окружала со всех сторон сады Уолгрейв-Хауса, а впереди нависала громада самого здания. Окна светились приветливыми огнями, но в целом дом представлялся ей всего лишь тюрьмой.

«Не будь идиоткой», – одернула она себя, шагая рядом с Уолгрейвом в сопровождении лакеев, несших фонари. Частити удалось бежать из не менее надежной тюрьмы, а Порция не побоялась вылезти из окна верхнего этажа! Всегда есть выход.

Если бы только ее оставили одну.

Она исподтишка взглянула на своего похитителя. Он улыбнулся ей, давая понять, что в его намерения не входит оставлять ее одну.

О боже! Похоже, единственное, что она может сделать, это позвать на помощь. Но к этому времени они вошли в дом, и она усомнилась, что слуги кинутся ее спасать.

Майкл Мюррей, прижав к груди перевязанную руку, наблюдал, как Уолгрейв и его добыча вошли в величественный особняк. Когда они скрылись, он приказал лодочнику доставить его с тремя компаньонами к причалу возле Уайтхолла.

Мюррей уже не помнил, когда в последний раз ему удалось расслабиться, и сейчас напряжение тисками сжимало его шею и плечи. Пока граф держал свое слово – он надежно упрятал эту потаскушку. Тем не менее Мюррей испытывал беспокойство. Что-то настораживало его.

Мюррей сам прекрасно говорил по-французски, да и в Лондоне французы не редкость, однако этот случай казался ему подозрительным. Девка вела себя совсем не как прожженная проститутка. Даже не как постоянная любовница. Женщины обычно иначе держатся с любовниками.

Он осторожно потрогал свою рану, вспомнив, как она не колеблясь ударила его. Едва ли такое поведение характерно для пустоголовой женщины, которой она была, если верить графу.

Шестое чувство подсказывало ему: что-то пошло не так.

Теперь, когда ждать осталось недолго, он не мог допустить провала. На душе у него было бы гораздо спокойнее, если бы женщина лежала сейчас бездыханной в зарослях Воксхолла. Ему бы хотелось, чтобы и мертвый граф лежал рядом. Но он нуждается в его помощи. К тому же смерть или исчезновение графа создадут проблемы.

Мюррей попытался взвесить полезность графа и опасность, которую он представлял. К тому времени, когда лодка уткнулась носом в пристань Уайтхолла, он нехотя признал, что преимущества превышают риск.

Пока.

Заплатив лодочнику, он двинулся вверх к Уайтхоллу, размышляя, как свести риск к минимуму.

– Кенни, – позвал он, – отправляйтесь с Маком к дому графа и понаблюдайте. Я хочу знать, не отпустит ли он штучку в красном завтра утром.

– Так, может, пойти туда утром? – проворчал Мак зевая. – Я совсем выдохся.

– Вполне возможно, это хитроумная уловка графа, и он отошлет ее, как только убедится, что нас нет.

– Отошлет? – хмыкнул Мак. – Я заприметил ее симпатичные лодыжки, а уж мы-то знаем: лорд Уолгрейв не устоит, чтобы не исследовать их повыше. Никуда она не денется нынче ночью.

– Мы не можем рисковать, если ты вдруг ошибешься в предположениях. – Мюррей постарался скрыть свое недовольство. Его товарищи привыкли иметь дело со шлюхами. Даже их возлюбленный предводитель, принц Карл Эдуард Стюарт, не отличается строгими нравами. Майкл Мюррей не стал бы опускаться так низко, но он понимал, что другие лишь посмеются над его добропорядочностью, и это скажется на его авторитете.

Мак бросил на него хмурый взгляд, но подчинился приказу.

– Ну и что делать, если он ее отошлет? Следить за ней?

– Разумеется, нет. Убейте ее.

Глава 4

Эльф не приходилось раньше бывать в Уолгрейв-Хаусе. До того как Частити и Шон – так некстати! – полюбили друг друга, их семьи не поддерживали между собой никаких отношений.

Леди Эльфлед Маллоран не стала бы глазеть по сторонам, вытаращив глаза, но глупенькая Лизетт Белхарди могла себе позволить такое удовольствие и с любопытством озиралась вокруг.

Довольно мрачный, решила она, осматривая громадный прямоугольный холл. Нет, скорее тяжеловесный. Стены были отделаны темными панелями, потолок соответствовал моде по крайней мере сорокалетней давности, а единственным украшением служили четыре статуи – фигуры выдающихся римлян, суровых и негибких, закутанных в тоги и увенчанных лавровыми венками.

Несомненно, таким видел себя старый граф, Неподкупный, с неприязнью подумала она. Ну а каким представляет себя молодой?

Ей не дали возможности как следует все разглядеть. Уолгрейв подвел девушку к массивной, изгибающейся дугой дубовой лестнице, явно не собираясь задерживаться.

Отложив на время смутные планы побега, Эльф решила прибегнуть к уловке, которой когда-то воспользовалась Порция.

– О, милорд, так неловко причинять вам беспокойство, но мне необходимо облегчиться.
– Разумеется. Пойдем.

Он двинулся вверх по лестнице и ввел ее в комнату. Это была спальня.

Ей еще не приходилось находиться в спальне наедине с незнакомым мужчиной, но она заставила себя расслабиться. В конце концов это соответствует ее намерениям – граф оставит ее одну, и она убежит.

Уолгрейв помог ей снять домино и указал на ночной горшок, скрытый ширмой:

– Прошу. Я вернусь через минуту.

В комнате было две двери: та, через которую они вошли, и другая, ведущая в смежную комнату. Он запер вторую дверь и, положив ключ в карман, вышел в коридор. Девушка услышала, как ключ повернулся в замке.

Окно! Порция сбежала через окно.

Граф, несомненно, не шутил, дав ей минуту. Поэтому она кинулась к окну и распахнула его. Достаточно было одного взгляда, чтобы потерять всякую надежду на побег таким образом, – она увидела отвесную кирпичную стену.

Порция воспользовалась шнуром от балдахина вместо веревки, но в этой комнате не было подобных излишеств, к тому же Эльф понимала, что у нее нет времени. Заслышав шаги, она захлопнула окно и, бросившись за ширму, едва успела скрыться за ней, как ключ повернулся в замке.

– Все еще там? – поинтересовался граф, демонстрируя полное отсутствие деликатности. – Надеюсь, ты не страдаешь расстройством желудка?

Эльф обнаружила, что ей и в самом деле необходимо воспользоваться предоставленной возможностью. Отчасти стараясь заглушить смущавшие ее звуки, она откликнулась:

– Все нет, милорд. Я просто затягивала шнуровку.

– Напрасная трата времени. – Его реплика напомнила ей, что ее ожидает судьба, более ужасная, чем смерть. Девушка ощутила нервную дрожь.

До сих пор ей не верилось, что все пойдет так далеко. Конечно, было приятно рассуждать о близости с мужчиной, но теперь, когда все стало так реально, у девушки пропало желание пробовать. Эльф не хотела вступать в интимные отношения с человеком, которого едва знала. А то, что она знала о нем, ей не нравилось.

Более того, в нем нет ни тепла, ни пыла. Она содрогнулась при мысли, что ее телом овладеют с таким безразличием. А что, если он наградит ее ребенком? Только представив, как рассказывает Ротгару, что ждет незаконного ребенка от графа Уолгрейва, она испытала непередаваемый ужас.

Тем не менее придется притворяться кокетливой жеманницей и молить Бога дать ей шанс бежать.

Эльф поспешно затянула шнуровку. Затем, убедившись, что маска надежно скрывает ее лицо, она вышла из-за ширмы.

– Извините, милорд, я заставила вас ждать.

– Не страшно. У нас предостаточно времени. – Он чувствовал себя непринужденно и улыбался, но Эльф отнесла это скорее на счет хороших манер, чем душевного тепла, – видимо, полагается проявлять любезность по отношению к женщине, с которой собираешься провести ночь.

Он отпер дверь в соседнюю комнату и жестом пригласил ее войти. Повиновавшись, девушка оказалась еще в одной спальне, ярко освещенной двумя канделябрами со множеством свечей. Очевидно, это собственная спальня графа, так как везде были разбросаны его личные вещи: приспособления для бритья на умывальнике, пудренный парик, натянутый на болванку, стопка книг с позолоченными корешками.

Обернувшись, она наблюдала, как он неторопливо подошел к столику орехового дерева, на котором стоял хрустальный графин, и налил в изящные бокалы вино цвета темного янтаря.

– Иди сюда, Лизетт, – подозвал он девушку и протянул бокал. – Ты получишь от этого не меньше удовольствия, чем от моих ласк.

Чувствуя, как щеки ее загорелись под маской, Эльф с притворным восхищением взяла вино, рассчитывая выиграть время.

– О, милорд, какая красивая рюмка!

Может быть, ей удастся напоить его? Вряд ли. В этом граф, надо полагать, не уступит ее братьям, а те могут выпить изрядное количество кларета и портвейна и лишь слегка захмелеть.

Она пригубила вино. Отличный портвейн. Однако Эльф изобразила на лице простодушный восторг:

– Какое прекрасное вино, милорд! Что это?

– Портвейн. Одно из немногих вин, которое не производят на твоей родине. Возможно, мне удастся привить тебе вкус к винам, так же как и к другим вещам.

– О, милорд... – жеманно улыбнулась Эльф, медленно потягивая вино. Она лихорадочно размышляла, как избежать грозящей ей участи. Что-то в поведении Уолгрейва подсказывало ей, что, задавшись целью, он непременно добьется своего. Может быть, опять прибегнуть к помощи кинжала?

Обворожительно улыгнувшись, она сделала еще один крошечный глоток.

Он осушил бокал и, поставив его на столик, подошел к ней.

– Входишь во вкус? – Взяв бокал из ее руки, он небрежным жестом отшвырнул его. Вино выплеснулось, залив ковер. – Это хорошая примета.

Эльф изумленно уставилась на бокал, утешаясь, что он не разбился, но озабоченная пятнами на ковре.

В этот момент граф схватил ее.

– Милорд!

Он крепко сжал ее в объятиях, запечатав ее уста поцелуем.

– Прекратите! – вырывалась Эльф. – Милорд, имейте жалость!

– Почему? – На его лице не было и тени сожаления.

– Я... я боюсь.

– Тебе не будет так уж больно.

- Дело не в этом, милорд! Но потерять невинность – важный шаг. Мне надо подумать!
- Не будь дурочкой, – произнес он и поцеловал ее.

Выйдя из себя, Эльф со всей силы пнула его в голень. В отличие от капитана граф не носил сапог. Он разразился проклятиями, но ловко увернулся, не выпустив при этом ее руку.

Сжав кулак, она размахнулась, целясь по выпуклости у него между ног. Граф отклонился, и удар пришелся по бедру. Он поймал ее вторую руку и больно сжал. В следующее мгновение она лежала на кровати лицом вниз с заведенными за спину руками. Он держал ее за запястья, упираясь коленом в деликатную часть ее тела пониже талии.

- Что, черт возьми, на тебя нашло?! – рявкнул он.

– Не хочу этого делать, – заскулила Эльф, поспешно возвращаясь к своей роли. – Я боюсь. – Теперь она говорила правду.

- Да ты настоящая мегера! Отлично, Лизетт, как угодно. Но вряд ли тебе понравится это.

Выпустив ее руки, он прижал девушку к кровати всем своим весом, так что она едва могла дышать, не говоря уже о сопротивлении, и задрал ей юбки.

Она опять начала бешено вырываться, извиваясь и лягаясь, насколько возможно в таком положении. Граф снял вначале одну подвязку, затем другую и, опять поймав ее руки, связал их.

Когда Эльф поняла, что он не собирается бить ее или делать что-нибудь похуже, она перестала сопротивляться. Сняв чулки, он использовал их, чтобы связать ей лодыжки. Затем поднял ее на руки и перенес в другую комнату. Там он довольно деликатно опустил ее боком на середину большой кровати.

Она настороженно замерла, когда его руки опять скользнули ей под юбку, но он только развязал шнурки кринолина и стянул с нее жесткую конструкцию.

– Ну вот, – сказал граф, отбрасывая его в сторону, и пригладил ее растрепанные волосы. – Это самое большое, что я могу сделать для тебя, глупышка. – Он накинул на нее покрывало. – Я буду спать в соседней комнате и оставлю дверь открытой. Если передумаешь, скажи.

Глядя ему вслед, она подумала, что справилась со всем этим делом не лучшим образом.

Эльф не могла представить себе худшей пытки, чем та, на которую обрек ее граф. Связанные руки горели, и ее терзало нестерпимое желание вытянуть ноги. Пытаясь облегчить мучения, девушка перевернулась на живот, отчего ей стало только хуже. Теперь она лежала, уткнувшись лицом в перину, и могла дышать, лишь напрягая шею и задирая голову.

Не меньше сотни раз ей пришлось преодолевать сильнейшее искушение позвать его. Но вместо этого она старалась тщательно продумать доступные ей варианты спасения.

Если бы она отдалась графу, у нее появился бы шанс бежать. Но как сделать это и остаться неузнанной?

Если он узнает, кто она, то скорее всего не станет ее соблазнять – ему никогда не нравился ее дерзкий язык и непочтительное отношение к сильному полу. Однако лорд Уолгрейв не позволит леди Эльфлед Маллоран бежать из опасения, что она сообщит о заговоре маркизу Ротгару.

Повертевшись, она наконец смогла придать голове более удобное положение. Дичайшая ситуация! Как она расскажет братьям о замыслах изменников, утаив правду о собственных немислимых поступках? Эльф с унынием заключила, что это невозможно. Слава богу, хоть Шон уехал надолго. Его бы крайне возмутило ее поведение.

После длительных размышлений она пришла к неутешительному выводу, что ничего не остается, как и дальше изображать непутевую француженку Лизетт. Так она хоть избежит разоблачения и попытается сбежать завтра утром. Если, конечно, ей удастся убедить графа ее развязать.

Но у нее есть кинжал, вдруг вспомнила Эльф. Как же им воспользоваться?

Девушка сомневалась, что сможет им ранить Уолгрейва, но с помощью оружия надо хотя бы попытаться перерезать путы. Если бы только она могла шевелить руками!

– Монсеньор! – позвала Эльф, не забыв перейти на французский. Через минуту она крикнула громче:

– Монсеньор!

Дверь в соседнюю комнату, где спал граф, оставалась открытой, и она услышала там движение. Затем зажегся свет, и вскоре появился Уолгрейв с зажженным канделябром в руке.

При виде его все мысли о побеге вылетели у нее из головы. Должно быть, он спал обнаженным. А сейчас просто накинул длинный черный шелковый халат, свободно завязав пояс на талии.

Эльф сообразила, что пялится на его могучую грудь, и поспешно перевела взгляд повыше. Темно-каштановые волосы, обрамляющие его лицо и восхитительно взлохмаченные после сна, свободно падали ему на плечи. Он напоминал ангела-воителя, подобного архангелу Михаилу. Тонкая ткань халата обрисовывала его фигуру. Когда он сделал шаг, полы халата распахнулись, обнажив сильные ноги воина.

Эльф молча смотрела на него, потрясенная жгучим желанием покрыть поцелуями это великолепное тело.

– Образумилась, Лизетт?

Ей с трудом удалось вспомнить о своем замысле.

– Милорд! Мне так неудобно. Не могли бы вы развязать меня?

– Ни в коем случае. Это единственная причина, по которой ты разбудила меня?

– Мне совсем не удастся отдохнуть, – заныла девушка. – Может, вы хотя бы свяжете мне руки спереди. Видите, я перевернулась и не могу теперь изменить позу.

Его лицо скривила насмешливая улыбка. Поставив канделябр на спинку кровати, он привел её в замешательство, неожиданно ласково потрепав по спине.

– Бедняжка, Лизетт. Полагаю, ты напугана. И должно быть, тебе очень неудобно. Видишь, куда может завести неразумная страсть к рискованным приключениям в Воксхолле.

– Да, милорд. Больше уж я не окажусь такой душой, – от всей души заверила его она, по горло сытая приключениями этой ночи.

– Но пойми и ты меня – я не могу рисковать. Где гарантия, что ты не станешь болтать? К тому же есть вероятность, что те мерзавцы следят за домом. Мне не хотелось бы иметь на совести твою невинную жизнь.

Как ни удивительно, он, казалось, говорил искренне. Этого Уолгрейва она не знала.

– Понимаю. Но если вы свяжете мне руки спереди...

Он продолжал гладить ее спину, и Эльф почувствовала разочарование, когда граф остановился.

– Так и быть, – сказал он и развязал путы, стягивавшие ее запястья. Он перевернул ее на спину и даже дал возможность размять затекшие кисти рук, прежде чем снова связал их спереди.

Несмотря на все неудобства и опасность, Эльф не могла не оценить, насколько Уолгрейв прекрасен, когда он склонился к ней при свете свечей. Под черным шелком рельефно вырисовывались мускулы его груди и шеи. Она не подозревала, что мужская шея может представлять интесес.

Ей очень захотелось узнать, соответствуют ли остальные части тела тем, которые она успела разглядеть.

– Я вижу, ты готова сдаться, моя любовь. – Его ленивый голос прервал ее бесстыдные фантазии, и она смущенно взглянула на него. – У тебя такой вид, словно ты готова меня съесть.

Она даже не заметила, что он снова связал ей руки! Как он смог угадать ее порочные мысли, если ее лицо скрыто маской? Наверное, она облизывалась.

– Ну так как? – проговорил он, поглаживая ее щеку и подбородок. – Еще нет часа, вся ночь впереди. – Едва касаясь, он очертил большим пальцем ее губы. – Ты вполне созрела и отлично это понимаешь. Вот увидишь, я смогу доставить тебе удовольствие.

Неужели кто-то своим вкрадчивым голосом может заставить Эльф потерять голову и подчинить ее разум своей воле?

Или граф просто произносит вслух то, что давно является ее сокровенным желанием?..

Девушка отрицательно покачала головой вопреки страстному желанию согласиться. Она поражалась тому, как сильно жаждет принять его предложение, а ведь еще совсем недавно оказала ему такое отчаянное сопротивление.

Она и не представляла, какое воздействие может оказать неожиданная ласка на ее пробудившееся тело. Оказывается, тела удивительно порочны.

Он пожал плечами и встал, затем с обезоруживающим лукавством в глазах развязал пояс халата и распахнул его.

Глаза Эльф широко раскрылись. Ее взгляд метнулся к его лицу, затем снова опустился вниз. Во рту у нее пересохло, сердце бешено забилося в груди.

Черный шелк соскользнул с его плеч. Нагой, граф стоял перед ней, держа халат в одной руке. Он напоминал статую, но не самоуверенного римского сенатора, а обнаженного греческого атлета. Его тело было совершенно: гладкие твердые мускулы дополнял мощный костяк.

– Ты уверена, Лизетт? – Она посмотрела ему в глаза и, увидев в них ласковую насмешку, почувствовала, как тает ее решимость. – Став моей любовницей, ты сможешь делать все, о чем думаешь сейчас, и даже то, о чем не имеешь представления.

– О да, пожалуйста...

Но сквозь туман охватившей ее страсти вдруг пробились доводы рассудка, и девушка опомнилась. Чуть не плача, она опять замотала головой.

Уолгрейв пожал плечами и, подняв канделябр, с равнодушным видом направился в свою комнату. Эльф проводила взглядом великолепную обнаженную фигуру, с трудом противясь жгучему желанию вернуть графа. Она почти ощущала, как ее пальцы прикасаются к его твердым ягодицам.

– Кстати, – предупредил он, по-видимому, уже лежа в постели, – если ты снова позовешь меня, я сочту это приглашением и удовлетворю твои более чем очевидные потребности, даже если ты будешь против.

Свечи погасли, и наступила тишина.

Эльф лежала на спине, испытывая одновременно и страсть, и смущение.

Непонятное томление, вызванное несколькими поцелуями и невольным любопытством к мужскому телу, надежно скрытому одеждой, теперь обрело конкретную форму. Ее запретные фантазии уже не были призрачными мечтами. Смелые и неистовые, они сосредоточились на Фортитюде Харлее Уоре, графе Уолгрейве, последнем из смертных, который стал бы их удовлетворять, догадайся он, кто она на самом деле.

В конце концов, убеждала себя Эльф, ее давно гложет беспокойство и чувство неудовлетворенности. Только случай свел ее этой ночью с собственным шурином. Несомненно, она испытала бы то же самое по отношению к любому привлекательному мужчине, спасшему ее от неминуемой смерти.

Однако девушка сомневалась, верит ли в это до конца, и была поражена силой соблазна поймать его на слове и снова позвать. Он, конечно же, разделет ее, ляжет рядом и будет ласкать так же, как в лодке, но не ограничится этим. Эльф представила его губы и руки на своем теле. И она сможет дотрагиваться до него, наслаждаться красотой его тела, гладкой кожей, нежной и твердой плотью. Его вкусом. Запахом...

Нет!

Эльф протяжно выдохнула, стараясь лежать тихо. Она слышала, как часы пробили четверть второго, затем – половину.

Надо бежать, пока не случилось ничего непоправимого.

Прежде всего она попыталась достать кинжал. Но хитрый граф связал ее кисти тыльной стороной друг к другу так, что Эльф не могла действовать одновременно пальцами обеих рук.

Вначале она работала только правой рукой, благодаря Бога за то, что кинжал оказался с наружной стороны деревянных планок ее корсета – по крайней мере не вонзится ей в сердце. Вытаскивая кинжал из ножен. Эльф выронила его.

Шаря по постели в поисках ножа, она поранила руку и зашипела от боли – даже не подозревала, что он такой острый.

Наконец ей удалось схватить его за рукоять.

Вдруг девушка поняла, что, сжимая кинжал в правой руке, не сможет перерезать подвязки, стягивавшие ее запястья. Разрази гром графа с его коварством! Однако ей удалось дотянуться до лодыжек, и вскоре ее ноги были свободны.

В кромешной тьме Эльф присела на краешек кровати, пытаясь найти способ избавиться от пут на запястьях. В результате она порезалась в нескольких местах, по рукам заструилась кровь. Нужно как-то просунуть лезвие между ними, что совершенно невозможно сделать.

Внезапно ее осенило. Зажав зубами рукоять крошечного кинжала, она поднесла связанные запястья к лезвию. Это оказалось невероятно трудно. Эльф готова была кричать от разочарования. Зубы с трудом удерживали кинжал, ей приходилось напрягаться из последних сил. Слюна заливала рот, вынуждая ее выпускать рукоять изо рта, чтобы глотнуть. Из-за невозможности выбрать правильный наклон лезвия она вновь и вновь наносила себе раны.

Несмотря на множество болезненных порезов, Эльф не сдавалась. Шелковая подвязка разошлась так неожиданно, что она, едва охнув, уронила кинжал на пол. Девушка застыла, сосредоточенно прислушиваясь. В соседней комнате тихо. Только тиканье часов нарушало безмолвие ночи.

С глубоким судорожным вздохом она согнула кисти, обмотав простыней саднящие руки. В темноте не было видно, насколько они изранены, но вроде не серьезно. Просто очень больно.

Убрав кинжал в ножны, Эльф соскользнула с кровати. Она решила было оставить кринолин, но без него юбки волочились бы по полу, и пришлось потратить драгоценное время, чтобы надеть его. Затем она накинула плащ темной стороной наружу и глубоко надвинула капюшон на напудренные волосы.

Чулки и подвязки безнадежно испорчены. Придется их оставить. Находясь в состоянии крайнего возбуждения, Эльф схватила туфли.

Она должна выбраться из этой комнаты, незаметно покинуть дом и скрыться среди ночи, когда убийцы прячутся в темных углах.

Ее подмывало войти к Уолгрейву, у которого вполне мог быть пистолет. Но риск слишком велик, хотя оружие ей не помешало бы.

Пожав плечами, девушка напомнила себе, что она – Маллоран. А для Маллоранов, как часто говорит ее старший брат, нет ничего невозможного.

Еле дыша, она неслышно прокралась к двери и попробовала приоткрыть ее. Ручка легко повернулась, дверь бесшумно отворилась, и Эльф шагнула в кромешную тьму коридора.

Нащупывая путь к лестнице, почти ничего не видя, она передвигалась крошечными шажками вдоль стен, вытянув перед собой руки. Меньше всего ей хотелось на что-нибудь налететь.

К тому времени, когда она добралась до лестницы, сердце ее громко ухало в груди, а нервы были напряжены до предела. Воистину недурное приключение! Если бы у нее оказалась хоть малейшая возможность позвать братьев на помощь, она бы немедленно ею воспользовалась.

Несколько раз глубоко вздохнув, чтобы успокоиться, Эльф осторожно заглянула через перила. В некоторых богатых домах на ночь в холле оставался лакей в целях безопасности на случай появления незваных гостей. Но тогда там бы горела лампа. Холл Уолгрейв-Хауса был погружен во мрак, и только бледный свет луны проникал через полукруглое окно над дверью.

Эльф медленно спустилась вниз, каждый раз проверяя, не скрипят ли ступеньки, прежде чем ставить на них ногу. Лестница оказалась прочной, как скала, что вовсе ее не удивило. Не далее как полгода назад дом принадлежал старому графу. Неподкупному. Тот был твердокаменным тираном, и скрип лестницы для него являлся не меньшим преступлением, чем брак дочери вопреки его желанию. Тем не менее она облегченно вздохнула, ступив на прохладные плиты, которыми был вымощен холл.

Теперь Эльф могла мыслить ясно. Вполне возможно, что снаружи ее поджидают убийцы. Значит, перед тем как покинуть дом, она должна найти оружие.

С трудом ориентируясь с помощью тусклого света луны, она обошла комнаты, пока не наткнулась на ту, которую искала, – кабинет Уолгрейва, где он скорее всего хранит свои пистолеты. Эльф раздвинула задернутые шторы, испуганно вздрагивая от производимого шороха. Света оказалось достаточно, чтобы обыскать комнату. В ящиках под книжными полками она нашла шкатулку с двумя роскошно отделанными дуэльными пистолетами.

Из своего укрытия в тени узкого прохода между Уолгрейв-Хаусом и соседним особняком Кенни увидел, как в одном из окон раздвинулись шторы. К несчастью, его голова не доставала на несколько футов до подоконника, поэтому он не мог заглянуть в комнату. В любом случае это подозрительно. Слуги наверняка давно спят, граф, надо полагать, тоже.

Странно, очень странно. На месте графа, заполучив эту птичку на ночь, он, Кенни, не бродил бы по дому и не возился со шторами...

Кенни разделял недоверие своего шефа к высокомерному графу. Что-то в этом деле ему не нравилось. Хорошо бы заглянуть в комнату. Но это было невозможно, и он отошел, ковыряя в зубах, с намерением наблюдать с еще большим вниманием.

В кабинете Эльф благодарила небо за своего замечательного брата-близнеца, который научил ее всему, что знал. Взяв один из пистолетов, она отсыпала нужное количество пороха, засунула в дуло приготовленную пулю и вставила ее на место. Затем, наполнив мешочек первосортным порохом, осторожно положила его в правый карман и приготовилась встретить любую опасность, ожидающую ее снаружи.

Выглянув в окно, Эльф увидела, что оно выходит в узкий темный переулок между домами. Подоконник находился в добрых шести футах от земли, но девушка не сомневалась, что сможет спрыгнуть с такой высоты, не причинив себе вреда.

Ее остановила мысль: привратник наверняка сторожит у парадного входа. Вряд ли ей удастся вылезти из окна и приземлиться настолько тихо, чтобы он ничего не услышал. Надо также подумать и о пистолете: теоретически он не должен выстрелить, если не взведен курок, но от пороха никогда не знаешь, чего ожидать. Нет, ей придется отказаться от соблазна нырнуть в темный переулок и попробовать выбраться через помещения для слуг.

Мак, ссутулясь, стоял у стены на тропе, ведущей к конюшням. Фонари освещали ближайшие стойла, где на сеновалах и чердаках спали конюхи и кучера. Но тропа была погружена во мрак и безмолвие.

Прижавшись к стене, он следил за парком Уолгрейв-Хауса. Его клонило в сон. С вечера он не сомкнул глаз: вначале играл в кости, затем завалил парочку потаскушек. Будь его воля, он давно бы спал в постели.

Все это пустая трата времени. Если бы граф не хотел эту вертушку, то не привел бы ее к себе. Вряд ли он передумает через час и вышвырнет ее вон.

Мак считал, что Майкл Мюррей уж слишком суетится. Сказать по правде, он вообще не в восторге от этой затеи. Конечно, Мак всей душой за Стюартов, которые по Богом данному им праву должны быть королями Шотландии и Англии, и унаследовал эту верность от отца и деда, доблестно сражавшихся за святое дело, но предпочел бы родиться во времена, когда преданность доказывали мечом и кровью. А вместо этого должен торчать здесь, вынюхивая и скрываясь. И зевать, притулившись к шероховатой стене поздней ночью.

Эльф приоткрыла дубовую дверь в дальнем конце холла и оказалась, как и предполагала, в лишенной всякой изысканности части дома, предназначенной для слуг. Немного постояла, прислушиваясь, но не уловила никаких признаков чьего-либо присутствия и, тихо прикрыв за собой дверь, вошла.

Пока дверь была открыта, Эльф могла видеть коридор. Закрыв ее, она оказалась в абсолютном мраке. Девушка осторожно двинулась вперед, ориентируясь наугад. Тьма давила, и ей стало казаться, что стены сдвигаются, грозя ее раздавить.

Остановившись, она всей грудью втянула воздух, как бы стараясь вернуть себе присутствие духа. Что там? Тиканье часов! Наверное, это кухня. Она двинулась на звук, ощупывая стены, пока не наткнулась на дверь. Пожалуй, надо подождать. Ей следовало быть осторожнее, но душающая тьма подталкивала ее. Она повернула ручку и вошла.

Свет.

Всего лишь отблеск догорающего в очаге огня, но после полного мрака он показался ей ярким, как солнечное сияние. Она подавила готовый вырваться вздох, так как успела заметить скорчившиеся фигуры по крайней мере трех слуг на матрасах прямо на полу.

Один из них пошевелился. Ее начавшее успокаиваться сердце снова тревожно забилося. Мякнула кошка. Эльф чуть не споткнулась, когда та подошла и потерлась о ее ноги. Девушка взяла ее на руки и, поглаживая, стала еле слышно бормотать что-то, успокаивая животное.

Никто из слуг не проснулся. Они работали с утра до ночи, и разбудить их было непросто. Теперь при свете она могла осмотреться. В кухне было тесно от мебели и всевозможной утвари.

Эльф не осмеливалась отпустить кошку, блаженно раскинувшуюся у нее на руках, и стояла, лишенная возможности придерживать широкие юбки и плащ.

Она увидела маленькое окошко и дверь рядом с ним. Это мог быть выход на улицу. Если кто-нибудь проснется, она кинется туда.

Девушка начала пробираться между спящими и мебелью, заставляя себя двигаться очень медленно. Она преодолела уже три четверти расстояния до двери, когда один из слуг приподнялся и что-то сонно проворчал. Эльф замерла. Мужчина опять улегся спать, продолжая невнятно бормотать.

Эльф рискнула положить кошку на пол, не обращая внимания на ее теплое прикосновение к своим ногам, дошла до двери и повернула ручку.

Ручка не поддавалась. Прошло несколько минут, прежде чем паника уступила место здравому смыслу. Конечно же, дверь на запоре.

Схватив тяжелый железный ключ, она осторожно попыталась его повернуть, но замок оказался слишком тугим. Ей пришлось приложить все силы, и громкий щелчок эхом отозвался в комнате.

Эльф опять застыла, затаив дыхание. Один из слуг приподнялся, пробурчав:

– Какого...

Девушка стояла неподвижно как статуя, но сердце так грохотало в ее груди, что она почти слышала этот звук.

Через секунду мужчина лег и затих, но она не знала, как крепко он заснул. Эльф заставила себя досчитать до двухсот, прежде чем решилась снова повернуть ручку и приоткрыть дверь.

Хвала Господу, дверь не заскрипела, а беззвучно открылась в маленький дворик. Она вышла, притворив ее за собой, и обессиленно прислонилась к высокой каменной стене.

О, как бы ей хотелось по мановению волшебной палочки оказаться далеко от этого ужасного места. Уму непостижимо, как она могла считать приключения забавными!

Она мечтала о безопасности своей роскошной спальни со слугами, готовыми выполнить ее малейшее желание. Ей хотелось, чтобы братья были рядом, надежно защищая ее от всех невзгод. Вместо этого она стоит здесь, вырвавшись из плена только для того, чтобы оказаться совсем одной на улице большого города поздно ночью, когда, возможно, недалеко находятся убийцы.

Зубы стучали так громко, что их стук, несомненно, мог услышать любой оказавшийся поблизости.

Наконец ей удалось подавить панику. У нее нет выбора, как говорится, чего нельзя изменить, то надо пережить. В конце концов она – Маллоран, а для Маллоранов нет ничего невозможного.

Эльф привыкла думать, что принадлежность к роду Маллоранов отравляет ее существование. Это означало, что надо делать все, считаясь с мнением общества, следить за каждым своим шагом, если не хочешь стать причиной поединков на рассвете – ее четверо братьев всегда готовы и способны защитить ее от любой опасности.

В восемнадцать лет она получила хороший урок, когда имела глупость поощрять ухаживания молодого повесы, не правильно истолковав его намерения. Он хотел соблазнить ее, а получив отпор, пытался принудить силой. Ему повезло – шпага Ротгара всего лишь лишила его возможности пользоваться правой рукой. Навсегда.

Хотя Скотсдейл и заслужил наказание, Эльф усвоила урок. Она больше не подвергнет опасности ни одного мужчину, особенно своих братьев. Ведь может найтись человек, владеющий оружием лучше, чем Маллораны.

Эльф знала, что Уолгрейв весьма ловкий фехтовальщик, но не такой умелый, как ее братья. Хотя, несомненно, он упорно тренировался после поражения, которое ему нанес Шон. В прошлом году он чуть не втянул в дуэль Брайта. Можно предположить, что граф охотно сражится на рапирах с Брандом или Ротгаром из-за нее, если найдет повод.

В намерения Эльф не входило стать причиной новых смертей или увечий, поэтому ей придется самой выбирать из данной ситуации. Глубоко вздохнув, она постаралась унять сердцебиение. Ну что ж, пока она не уронила имени Маллоранов. Первая часть побега удалась.

Ясно, что никто не прячется в этом дворике. Судя по запаху, здесь находятся уборные и корзины для помоев. Она не слышала никаких звуков, из чего следует, что никто не услышал произведенного ею шума.

Итак, где могут ожидать возможные преследователи? Один у главного входа, другой у заднего? Какое направление ей выбрать?

– Чтоб им пусто было! – пробормотала Эльф, заимствуя у брата сильные выражения в надежде обрести также его уверенность в себе.

Вытащив пистолет из кармана, она взвела курок. Затем выскользнула в маленький садик, стараясь разглядеть при слабом свете луны тропинку среди кустов. Девушка чуть не вскрикнула, почувствовав теплое прикосновение к ноге, но, посмотрев вниз, увидела яркие кошачьи глаза и услышала дружелюбное мурлыканье.

– Ш-ш-ш! – шикнула она, но кошка, преданно уставившись на нее, терлась вокруг ее лодыжек.

Беззвучно жалуясь на судьбу, Эльф решительно направилась к конюшням. Она рассчитывала, что в темном плаще ее можно обнаружить, только столкнувшись с ней лицом к лицу.

Остановившись возле кованых чугунных ворот сада, девушка внимательно осмотрела темную тропу перед ней.

И тут она увидела его. Там, во мраке, притаился враг.

Плотный, крепкого сложения мужчина в шляпе с опущенными полями стоял, притулившись к стене. Судя по его неуклюжей позе, он спал, но она сомневалась, что ей удастся незаметно открыть ворота.

Эльф отпрянула и съежилась в темноте, прижав руку к волнующейся груди. Этот человек хочет ее убить! Она почувствовала, как страх уступает место гневу. Негодяй собирается убить ни в чем не повинную молодую женщину только потому, что она может доставить неприятности. Если бы не неизбежный шум, она, не задумываясь, пристрелила бы его на месте!

Что ей действительно надо сделать, так это найти способ проскочить мимо него. Настойчивая кошка снова потерлась о ее ноги. Эльф подняла ее и посадила на верх шестифутовой стены. Кошка сидела там, зажмурившись и мурлыча. Без особой надежды девушка замахала, пытаясь согнать животное, но та только встрепенулась, намереваясь прыгнуть назад в теплые руки Эльф.

– Извини, – пробормотала девушка и столкнула ее со стены.

Приземлившись, кошка громко мяукнула, протестуя против подобного обращения. Мужчина вздрогнул и выпрямился. Возможно, он действительно спал, но теперь явно проснулся. Шаря вокруг глазами, он вытащил из кармана пистолет. Эльф услышала, как он взвел курок. Что же теперь?

Кошка мелькнула возле ворот. Должен же он заметить, что здесь кто-то есть! Но тут, хвала небесам, кошка еще раз решила проявить свой общительный характер и с громким мурлыканьем направилась к другому человеческому существу.

– Брысь! – шуганул ее мужчина, отпихнув ногой. Эльф могла бы объяснить ему, что кису так просто не отвадишь. Так или иначе, его внимание было занято кошкой, а луна скрылась за набежавшими облаками. Девушка воспользовалась предоставившейся возможностью. Натянув поглубже капюшон, она отодвинула засов. Ей хватило минуты, чтобы прошмыгнуть через ворота и закрыть их за собой.

Скользнув в глубокую тень, она застыла без движения. Бог как будто сжалился над ней. Облака стали гуще, и все погрузилось в непроглядную тьму. Затаив дыхание и не переставая молиться, чтобы кошка забыла о ней и не стала преследовать дальше, она крадучись пробиралась вдоль стены.

Эльф уже миновала ворота следующего дома, когда услышала сердитый вскрик, и испугалась, что мужчина ударил кошку. Раздавшиеся затем приглушенные проклятия позволяли надеяться, что животное не осталось в долгу и поцарапало его. В любом случае худшее – позади.

Внимательно глядя под ноги, ни на минуту не переставая ожидать погони, Эльф упорно продвигалась вдоль проулка, пока не свернула на улицу, окончательно скрывшись из виду. С благодарственной молитвой она прислонилась к ограде вокруг высокого здания, набираясь сил и мужества для дальнейших испытаний.

Она не знала, где находится. Как глупо было с ее стороны разезжать повсюду в каретах или портшезах и не иметь представления об окрестностях. Впрочем, Уолгрейв-Хаус находится на Абингтон-стрит, а следовательно, это вполне может быть Морпет-стрит. Возможно, ей все же удастся сообразить, как добраться отсюда до дома Аманды.

Элегантная улица была пустынна, но перед каждым домом горели факелы, освещая путь прохожим. Эльф почти бежала, стук ее каблучков по камням мостовой гулко разносился в тишине, все ее чувства обострились, стараясь уловить звук шагов или движение затаившихся злодеев.

И все же она не могла не улыбнуться, радуясь своему успеху. Получилось! Первая часть побега удалась. Осталось всего лишь найти дорогу в ночном Лондоне, чтобы ее при этом не ограбили, не убили и не изнасиловали.

Эта мысль подействовала на нее отрезвляюще. Ей не доводилось ходить по городу без сопровождения даже днем, а ночью одинокую женщину подстерегало неизмеримо больше опасностей. Помедлив, она бросила взгляд назад, на Уолгрейв-Хаус. Ей начинало казаться, что все случившееся там просто привиделось во сне.

Как же поступить? Конечно, следовало бы сообщить властям об участии Уолгрейва в заговоре, предоставив правительству разбираться в этом деле самому. Если граф настолько глуп, чтобы ввязаться в подобные дела, ему придется ответить по всей строгости закона.

И все же... Ужасно, если его повесят, утопят или, не дай бог, четвертуют. Недавно во Франции преступник, пытавшийся убить короля, был разорван четырьмя лошадьми.

Эльф вздрогнула, представив великолепное тело Уолгрейва, изуродованное подобным образом. Вне всякого сомнения, должен существовать способ и спасти его, и выполнить свой патриотический долг.

Пробираясь к дому Аманды, она размышляла над этим. И хоть ей не удалось найти блестящего решения данной проблемы, она по крайней мере не встретила особых затруднений в пути.

Попадались поздние прохожие, но они не обращали на нее внимания. Одноногий мужчина сполз со ступенек, где, вероятно, спал, и занял, вымаливая милостыню. Скорее всего это безобидный бродяга, но Эльф не собиралась рисковать. Показав ему пистолет, она нарочито грубо буркнула:

– Отвали, – надеясь, что он примет ее за разбитную особу.

Это сработало. Калека юркнул назад в свою нору, а она заторопилась дальше, решив, что ночные улицы не настолько опасны, как ей пытались внушить. Правда, немногие женщины разгуливают по ним, вооруженные до зубов. А вообще-то забавно. Мужчины утверждают, что женщины нуждаются в защите. Если так, разве не разумно дать им возможность самим защитить себя? От мужчин, подумала она, криво усмехнувшись. Вот где собака зарыта.

По-видимому, женщинам следует взять собственную защиту в свои руки.

Рассуждения так увлекли девушку, что она не заметила, как оказалась на Уорвик-стрит. Аккуратный дом Аманды с вошедшими в моду балконами был единственным, в окнах которого горел свет. Это значит, что Аманда пока не спит. Было бы удивительно, если бы подруга легла в сложившихся обстоятельствах. Но слава богу, тревогу она еще не подняла.

Эльф взбежала по ступенькам и тихо постучала молоточком, моля Бога, чтобы подруга не спала.

Дверь сразу же приоткрылась, хотя и довольно осторожно, так как Аманда была в ночной рубашке. Она схватила Эльф и втащила ее внутрь.

– Силы небесные! Я уже несколько часов не нахожу себе места. Как ты могла...

Шепотом осыпая Эльф жалобами и упреками, Аманда увлекла ее в свою спальню. Она совсем запыхалась, и, закрыв за ними дверь, прислонилась к ней спиной.

Эльф обняла ее:

– Прости меня! Обещаю больше никогда не пускаться в приключения.

– Ну, меня-то ты точно не убедишь заняться этим! – отдышавшись, с чувством заявила Аманда. – Никогда еще не испытывала подобного ужаса. А когда ты умчалась по аллее друидов, а этот человек за тобой... Тебя поймал капитан?

– Разумеется, нет. – Эльф сообразила, что наконец может снять маску. – Надо благодарить за нее Бога, – сказала девушка, массируя лицо. – Но было так жарко и неудобно.

Аманда схватила ее за запястье:

– Оно кровоточит! Боже мой, что случилось?

Вот досада. Эльф предпочла бы оставить при себе бо`льшую часть событий минувшей ночи. По крайней мере до тех пор, пока не придет к какому-нибудь решению. Она взяла полотенце и прижала к небольшому порезу.

– Я была связана, и пришлось спасаться бегством, – призналась она.

– Связана! – уставилась на нее Аманда. – Но я думала... Ведь ты ушла с Уолгрейвом?

– Неужели? – невинным тоном спросила Эльф.

– Я была уверена, что это так. Более того, – сурово проговорила Аманда, – я и сейчас уверена в этом. Его невозможно было не узнать! Я подумала...

Эльф приподняла брови:

– Что я решила претворить свои фантазии в жизнь. Чепуха. Он просто спас мне жизнь.

В конце концов он – член семьи.

– Да что ты говоришь! – Аманда смочила полотенце в фарфоровой чаше с водой для умывания. – Если уж ты нашла отважного защитника, разве не безответственно с твоей стороны бросить меня спасаться самой? – Она промокнула запястье Эльф. – И это никак не объясняет твое пленение и твои раны.

Эльф лихорадочно изобретала правдоподобное объяснение.

– Уолгрейв не узнал меня. Он спас незнакомку и задумал соблазнить ее.

– Это вполне в его духе! Но, Эльф...

– Когда я стала сопротивляться, он связал меня.

– Подлец! – Аманда смыла кровь с другого запястья, насухо его вытерла, затем мрачно взглянула на подругу:

– Ну и?

– Что и?

– Что он сделал после того, как связал тебя?

Эльф внимательно изучала свои запястья. Порезы неглубокие, но понадобится несколько дней, чтобы они зажили. Пожалуй, это кстати, что ее наблюдательные братья отсутствуют.

– Он пошел спать.

Аманда взяла Эльф за руки:

– Милая, ты не должна мне лгать. Если ты поступила неразумно, я помогу тебе.

– Неразумно? Весьма неразумно было отправиться в Воксхолл.

– Эльф! – чуть ли не взвизгнула Аманда. – Что сделал граф?

Эльф высвободилась:

– Не думаю, что ты вправе настаивать на подробностях, Аманда. Я же не спрашиваю, чем вы со Стефеном занимаетесь наедине.

– Ага! Значит, что-то было.

– Конечно, было. Он пытался соблазнить меня. И, – задумчиво добавила Эльф, – это было удивительно приятно. Он довольно хорошо целуется.

– Хорошо целуется... – Аманда упала в кресло. – Ты утверждаешь, что лорд Уолгрейв связал тебя и ограничился поцелуями?

– Он не целовал меня после того, как связал. Это было бы низко, тебе не кажется?

Аманда уронила голову на руки.

– Не хотелось бы оскорбить твою невинность, но знаешь, даже джентльмены способны на низкие поступки.

Эльф согласилась с ней. Теперь, когда у нее было время подумать, она поняла, что граф вел себя по отношению к ней довольно порядочно. Она находилась полностью в его власти, и он мог подвергнуть ее любым унижениям. На самом же деле спас жизнь незнакомке и не стал принуждать ее к любви, получив отказ.

Эльф обнаружила, что ей нелегко думать так хорошо о своем шурине.

– И он даже не узнал тебя, – проговорила Аманда изумленно покачивая головой. – Похоже, ты легко отделалась.

Тут Эльф вспомнила о таком неудобстве, как шотландцы – и таком пустячке, как измена. Бог мой, ну и головоломка. Ей нужно время, чтобы все хорошенько обдумать, прежде чем кому-нибудь рассказать.

– Господи, я без сил, – пожаловалась девушка, расстегивая свое безвкусное платье и сбрасывая с плеч. Она повернулась спиной. – Давай обойдемся без Шанталь, Аманда. Помоги мне со шнуровкой. Не дождусь, пока лягу.

Аманда подошла ближе.

– Думаешь, я поверю, что ты обычно ходишь, едва затянув корсет?

Чем дальше, тем хуже!

– Это он ослабил шнуровку.

– Я так и поняла. – Аманда дернула за узел. – Мужчины не способны затянуть, как надо.

– В любом случае мне не нравится тугая шнуровка.

– У тебя от природы стройная фигура.

Аманда развязала шнуровку, и Эльф сняла жесткий корсет.

– Вот так лучше. Зато у тебя пышные формы, которые мужчины обожают.

– А ты изящна, что также восхищает этих непоследовательных мужчин. Итак? – спросила явно заинтригованная Аманда. – Что ты теперь думаешь о Уолгрейве?

Эльф была рада, что ей удалось беспечно рассмеяться.

– Должна признать, он может быть очень приятным. Но только потому, что принял меня за наивную девицу по имени Лизетт. Если бы он заподозрил, кто я на самом деле, он бы тут же придушил меня. – Она мягко повернула подругу к двери. – Отправляйся спать, Аманда. Со мной все в порядке, а ты, наверное, утомилась. Я все тебе расскажу завтра утром.

Оставшись одна, Эльф развязала пояс, на котором держались карманы. Она все время чувствовала тяжесть пистолета и молилась, чтобы Аманда не заметила, как он оттягивает ее правый карман. Не хотелось объяснять еще и эту странность.

Девушка вытряхнула порох из мешочка, раздумывая, нельзя ли с безопасностью для себя вернуть оружие. Конечно, Уолгрейв в состоянии заменить его, но она знала, как мужчины дорожат подобными вещами. Эльф обвела пальцем перламутровый с золотом рисунок на рукоятке. Пистолет, несомненно, сделан на заказ по его руке, а она, в сущности, украла его.

Пропади она пропадом, подобная шепетильность! Эльф положила пистолет в шкатулку, твердо решив вернуть его, если представится возможность. Но этот человек – подлый изменник и не заслуживает никакого снисхождения.

И все же, подумала девушка, расстегнув шелковую нижнюю юбку и небрежно уронив ее на пол, он добр в своем роде. И очень красив.

Каждый из ее братьев тоже по-своему красив. Эльф никогда не задумывалась о внешности потенциального мужа, но теперь поняла, что это, видимо, для нее важно. Как оказалось, красота Уолгрейва находит в ней отклик. Образ бесстыдно обнаженного тела графа не давал ей покоя.

Он стоял у нее перед глазами, пока девушка мыла лицо и руки, дразнил, когда она вынимала шпильки из волос и расчесывала их, пытаясь стряхнуть пудру.

Почему из всех мужчин на свете именно Уолгрейв вызывает волнение в ее крови? Форт. Так обращаются к нему близкие. Так зовет его Частити.

Она постояла, уставившись невидящим взглядом в зеркало на собственное отражение, представляя, как воркующим голосом произносит это имя в темноте, касаясь языком его кожи. Никогда раньше подобные мысли о мужчине не приходили ей в голову.

Может быть, теперь все будет иначе. Возможно, достаточно пробудиться желанию, и ее потянет и к другим мужчинам. Более подходящим. В конце концов обнаженный Форт был

откровением для нее. Предположим, если она выйдет замуж и ее муж войдет к ней, едва прикрытый одеждой, с распущенными волосами, ее охватит такое же вожде- ление...

Эльф встала, сняла легкую нижнюю сорочку и надела ночную рубашку из хлопка, медленно проведя руками вдоль своего проснувшегося тела. Она призналась себе, что Форт находился в полном джентльменском облачении, когда так возбудил ее. Причем куда сильнее, чем это удавалось кому-нибудь другому из числа ее знакомых.

Но это совершенно невозможно. Мало того что Уолгрейв враг их семьи, он еще и предатель. Бестолковый, нелепый человек.

Эльф забралась в постель с намерением обстоятельно подумать об угрозе государству, однако тут же вспомнила, как лежала в комнате графа, прислушиваясь к его дыханию. Вспомнила, как испытывала искушение позвать его...

Знает ли он уже, что ее нет?

Вряд ли. Он не станет проверять до утра.

Интересно: он равнодушно пожмет плечами, обнаружив, что легкомысленная Лизетт вернулась домой, или будет тревожиться о ее безопасности? Огорчится ли оттого, что она покинула его?

Нет, скорее всего его беспокоит, много ли ей известно. А следовательно, он попытается найти ее и снова пленить, чтобы не болтала о его делишках. Ее сердце пустилось вдруг вскачь от волнения. Конечно же, ему ее не отыскать. Он не узнал ее, а она не оставила ни одной улики.

Эльф надеялась, что так. Ведь если Уолгрейв окажется в состоянии найти ее, значит, это смогут и шотландцы с их ужасными ножами.

Она залезла с головой под одеяло, дрожа от страха, разогнавшего сладострастные мечтания. Ах, если бы ничего этого не случилось! Прежде всего не надо было ехать в Воксхолл.

Нечто порочное, скажите на милость.

Нечто исключительно глупое. И теперь придется расхлебывать последствия. Она узнала о вещах, от которых нельзя так просто отмахнуться. И это может стоить ей жизни.

Глава 5

Уолгрейв проснулся от резкого звука раздвигаемых штор. Жмурясь от бьющего в глаза солнца, он обнаружил, что сон его прерван вовсе не дерзким слугой, которого можно было бы отослать прочь.

– Господи, Джек. Что, дьявол тебя забери, ты себе позволяешь?

– Пытаюсь тебя разбудить, – бодро ответил худощавый высокий молодой человек. – Припозднился вчера, Форт?

У него было продолговатое лицо с несколько ироничным выражением и темно-русые волосы, небрежно завязанные сзади. Одет он для прогулки верхом в бриджи и простой камзол.

– Не слишком. – Форт лениво потянулся, но тут же напрягся, вспомнив события минувшей ночи.

Он бросил тревожный взгляд на приоткрытую дверь в соседнюю комнату. Интересно, проснулась непутевая девчонка? Джек Треверс, конечно, не станет причинять ему беспокойство, но граф предпочел бы, чтобы тот не узнал о связанной дамочке, лежащей в постели за стеной. Иначе придется выдумывать правдоподобное объяснение.

Совершенно обнаженный, он вскочил и позвонил своему камердинеру.

– Почему бы тебе не спуститься и не заказать завтрак, Джек? Я присоединюсь к тебе, когда буду готов. – Он недовольно взглянул на приятеля. – Какой черт тебя принес сюда в такой неурочный час?

– Петгигру, Хэм, Щекотун.

Без труда поняв смысл загадочной цепочки слов, Форт выглянул из окна, чтобы узнать, какая погода. Опять прекрасный день. Ни малейшего шанса уклониться от повинности проехаться верхом до Хэма с Треверсом и Петгигру, чтобы посмотреть на Щекотуна, многообещающего скакуна из Аскота.

Что же делать с непокорной Лизетт? Ему не хотелось оставлять бедную девушку связанной на весь день. Он повернулся, собираясь снова предложить Джеку спуститься к завтраку, и увидел, что тот шире распахнул полузакрытую дверь в соседнюю комнату. Приятель явно сделал это просто так, не задумываясь.

Помедлив в дверях, Джек шагнул в комнату. Форт замер в ожидании изумленных восклицаний или даже криков.

Ничего. Полная тишина.

Затем опять появился Джек, небрежно помахивая чулками в красную с белым полоску и кружевными подвязками, покрытыми темными пятнами.

– Чем это ты здесь занимался, дружище?

Граф выхватил подвязки и увидел, что на них кровь. Проскочив мимо посмеивающегося друга, он убедился в справедливости своей догадки. Птичка упорхнула.

Он посмотрел на простыни. Кровь. На мгновение Форт предположил, что Мюррей и его люди как-то проникли в дом и убили девчонку. Но сразу же отменил эту мысль. Только несколько небольших пятен крови, а Мюррей непременно оставил бы труп.

Что же, черт возьми, глупое создание сделало с собой?

– Кинжал за корсажем, – пробормотал граф и прикусил язык, вспомнив, что не один.

Форт мысленно выругался про себя, досадуя, что забыл про оружие Лизетт. Он признался себе, что чересчур увлекся глупенькой кокеткой, был слишком возбужден, а затем разочарован ее неожиданным отказом. Ему, конечно, удалось не подать виду, насколько он ее желает. Но все же это порядком затуманило ему мозги.

Что совершенно недопустимо.

Он взглянул на явно заинтригованного Джека, но, прежде чем друг успел выразить любопытство, камердинер Форты поскребся в дверь и проскользнул в комнату словно привидение.

Дингвола, тщедушного ханжу, напрочь лишённого чувства юмора, приставил к Форту его отец много лет назад. Неслышно ступая по ковру, камердинер поставил кувшин с горячей водой на умывальник и встал рядом, неподвижный и безжизненный как статуя.

Джек зачарованно наблюдал за Дингволом. Никто не мог пройти мимо, не обратив на него внимания, и никто не понимал, почему Форт не избавился от этого странного слуги после смерти старого графа.

Тому были причины, хотя и несущественные. Уолгрейв понимал это, но ему казалось мелочным выставить Дингвола теперь, когда отец не может ничего сделать, и он терпел возле себя это орудие Неподкупного из-за преследовавших его воспоминаний и сознания своей вины. Ведь камердинер больше не мог посылать отчеты его отцу, если только не имел прямого сообщения с адом.

Форт подошел к умывальнику, испытывая желание дать хорошего пинка Дингволу. Если бы только камердинер как-нибудь обнаружил свои чувства! Например, выразил свое отвращение при виде обнаженных тел. Однако ни малейшего намека на эмоции не отразилось на неподвижном бледном лице.

Будь он проклят, но пару раз Форт позволил слуге застать себя в постели со шлюхой, точнее, с двумя. Дингвол даже не поморщился. Можно было подумать, что камердинеру все равно, если бы Форт собственными глазами не видел отчеты о каждом своем шаге за несколько лет. Дингвол докладывал обо всех его грехах, досконально описывал каждый кутеж. И всегда покорнейше просил отца Форты не оставить без внимания проступки сына.

Форт знал, какого рода внимание имел в виду Дингвол, которого наняли еще до того, как юноша стал слишком взрослым для порки.

Форт помахал запачканными клочками ткани перед носом своего камердинера.

– Избавься от этого. – И впервые увидел предательские следы колебания, прежде чем камердинер взял подвязки и чулки.

– Прямо сейчас, милорд?

– Немедленно.

Дингвол выскользнул из комнаты.

– Тебе бы следовало...

– Уволить его, – закончил за него Форт. – Может, он забавляет меня.

– Тогда у тебя чертовски странное чувство юмора. Когда я вижу его, мне кажется, кто-то наступил на мою могилу. – Джек лениво упал в кресло. – Рассказывай. Кого ты связывал? И что куда важнее, почему она так стремилась убежать? Боюсь, ты теряешь форму, старина! Форт начал умы- ваться.

– Всего лишь девственница, которая предпочла унести ноги. Я был не против проводить ее домой, но опасался, что она сбежит, дай ей только шанс. Глупое создание не имеет представления о ночных улицах. – Он нахмурился. – Я и не подозревал, что она в таком отчаянии, чтобы решиться бежать. Надеюсь, с ней все в порядке.

Джек поднялся с кресла и подошел к нему.

– Даже не думай потратить утро, выясняя, где она. У тебя уже есть обязательства перед нами.

Форт помолчал, глядя на него, затем сказал:

– Я все равно не знаю, с чего начинать. – Дингвол опять просочился в комнату, поэтому Форт добавил:

– Подожди внизу, Джек. Я-то не сбегу.

Часом позже он ехал по Уайтхоллу, испытывая, как ни странно, искушение бросить Джека и отправиться на поиски Лизетт, хотя и понимал, что это безнадежно. Убегая, она

прихватила один из его пистолетов. Эта мысль одновременно злила его и успокаивала. Граф искренне не желал девушке попасть в руки Мюррея и его сообщников.

Однако понимал, что на это можно посмотреть и по-другому. Юные невинные дамы – все равно, французенки или англичанки, – не отправляются вечером поразвлечься, засунув кинжал за планки корсета, и не шныряют по темным тропинкам Воксхолла. Едва ли юные невинные леди станут освобождаться от пут, пожертвовав собственной прелестной кожей. Еще менее вероятно, что они способны, вооружившись дуэльным пистолетом, бродить по ночным улицам Лондона.

Следовательно, несмотря на обманчивый внешний вид, Лизетт не является невинной юной леди.

Все это породило два важных вопроса: на кого она работает и почему не воспользовалась возможностью стать его любовницей?

При свете дня Кенни и Маку пришлось держаться подальше от Уолгрейв-Хауса, что не помешало Кенни заметить, как граф верхом отбыл куда-то со своим другом. Он нашел своего компаньона.

– Ты как?

– Паршивое дело. – Мак потер воспаленные глаза. – Мне надо поспать.

– И мне тоже, – зевнул Кенни. – Чудно все это, а? Он уехал. А как же она?

– Если он вправду с ней забавляется, то она сейчас полеживает себе на шелковых простынях и прихлебывает шоколад из распрекрасных фарфоровых чашек.

Поразмыслив, Кенни усмехнулся:

– Тогда, может, она выйдет позже за покупками или еще куда, и мы свернем ей шейку. Схожу-ка я перекинуться парой слов с Мюрреем и пришлю Джейми тебе на смену. За этим местом точно стоит приглядывать.

Эльф, однако, не лежала в это время на шелковых простынях, потягивая шоколад из прекрасного фарфора. Она находилась в будуаре Аманды, размышляя, как избежать настойчивого любопытства подруги. Волосы ее были еще влажными после мытья, и ничто в ее внешности не напоминало о ночных похождениях. За исключением, конечно, нескольких засохших царяпин на запястьях.

– Ну? – начала Аманда, намазывая булочку маслом. – Может быть, расскажешь теперь все?

Эльф сделала вид, что ее внимание полностью поглощено таким важным делом, как помешивание шоколада ложечкой.

– С чего ты взяла, что я рассказала тебе не все?

– Начнем с того, что ты не объяснила, как тебе удалось удрать от капитана.

Эльф подняла глаза, довольная тем, что нашелся вопрос, на который она может ответить.

– А, это! Я просто забралась в кусты. – Она придвинулась ближе и добавила:

– Кустарник просто кишел любовниками.

Ей удалось на некоторое время отвлечь подругу обсуждением скандальной известности Воксхолла и попытками угадать, кто скрывался под некоторыми масками. Но Аманда вернулась к своим расспросам:

– Ну а как ты встретила с лордом Уолгрейвом? Со стороны могло показаться, что он тебя похищает! Если бы не твои гримасы, я бы тут же позвала на помощь.

– А ты подумала, какой мог разразиться скандал! – Эльф решила, что лучший способ рассеять сомнения Аманды – притвориться искренней. Полное проказ детство научило ее, что следует придерживаться правды, насколько это возможно. – Лорд Уолгрейв спас меня от

капитана и собирался искать моих спутников. Когда я призналась, что явилась туда одна, он пришел к выводу, что я доступная девица, и предложил заплатить, если я проведу с ним ночь.

– Эльф! – Аманда отложила булочку и прошептала: – Ты этого не сделала!

– Конечно, нет! – Эльф знала, что ее щеки запылали ярким румянцем, и могла только надеяться, что Аманда расценит его как смущение, а не как косвенное признание вины за бесовственную ложь. – Но капитан кружил неподалеку, поэтому я приняла предложение Уолгрейва, чтобы убраться подальше. Извини, что бросила тебя, Аманда, но я думала, ты справишься.

– Разумеется, я справилась. Было совсем несложно вернуться домой. Но как дошло до того, что тебя связали?

Эльф закатила глаза:

– Этот человек совсем не дурак. Когда мы оказались у него дома, я сказала, что передумала. Думала, он сразу вышвырнет меня. А он заявил, что не способен выкинуть ночью на улицу невинную крошку и не может позволить испорченной девчонке слоняться по дому и красть серебро, и поэтому связал меня. До тех пор мне удавалось оставаться в маске, но сомневаюсь, что я сохранила бы ее утром. А так как в мои планы не входило появиться дома в его карете, я сбежала.

Аманда слушала с открытым ртом, драматически прижав руку к груди.

– Эльфлед Маллоран, у тебя, наверное, есть ангел-хранитель! – воскликнула она и продолжила, оставив театральный тон, с усмешкой в глазах: – Послушать тебя, так граф Уолгрейв вел себя исключительно порядочно по отношению к молоденькой дурочке.

– Именно так.

Эта мысль не давала покоя Эльф всю ночь. Ее приводило в замешательство то, как быстро она изменила свое мнение об этом человеке.

– И все же ты не намерена подумать о нем как о возможном муже?

Перед мысленным взором Эльф мелькнул образ его прекрасного тела, манящих, полных страсти и желания глаз, и щеки ее снова загорелись.

– Аманда, он ненавидит всех Маллоранов!

– Он ненавидит твоих братьев, но сомневаюсь, что тебя тоже. – Аманда облизнула губы, уставившись в пространство с глупой улыбкой. – Я была права: ну истинные Ромео и Джульетта!

– Надеюсь, что нет, – язвительно проговорила Эльф. – Если помнишь, они плохо кончили. Ну а теперь я отправляюсь в Маллоран-Хаус.

Эльф пришлось приложить немало усилий, чтобы отправиться в свой лондонский дом без Аманды, так как подруга скучала и была рада любому развлечению. Она заверила Аманду, что ей нужно обсудить семейные дела. Недоверчивая Аманда настояла, чтобы один из ее лакеев сопровождал портшез до площади Мальборо.

Хотя Аманда и не могла представить себе такую серьезную проблему, как измена королю, но вполне могла предположить, что Эльф отправилась на свидание со своим опасным графом. Ее обостренное чутье в таких делах просто пугало. Но на сей раз подруга ошиблась.

Несмотря на привлекательность и доброе отношение к случайно встреченной женщине, Уолгрейв все же высокомерен и эгоистичен. И конечно, враг. Она не собиралась впредь иметь с ним ничего общего даже в глупых фантазиях.

Тем не менее Эльф сделает все возможное, чтобы спасти графа от последствий его собственного безрассудства. В конце концов она обещала Частити не допустить, чтобы ее брат закончил свои дни в темнице.

Слуга, сидевший в нише возле величественных двойных дверей Маллоран-Хауса, бросился открывать дверь своей хозяйке. Эльф вошла в громадный, вымощенный мраморными плитками холл, испытывая теплое чувство от возвращения домой.

Но это не ее дом, вдруг поняла она. Ей предназначено выйти замуж и найти свое место в жизни. Несмотря на громогласные заявления, что он никогда не женится, Ротгар в один прекрасный день встретит женщину, которая станет здесь хозяйкой.

Она отдала шляпу, перчатки и пелерину слуге, раздумывая, почему ее начали беспокоить подобные мысли. Наверное, все дело в том, что прежде, приезжая в Лондон, она не останавливалась в чужих домах и теперь, заехав сюда от Аманды, чувствовала себя в родных стенах, как в гостях.

Девушка отмахнулась от нелепых мыслей. Видимо, присутствие братьев превращало это здание в родной дом, где ей всегда могли помочь в случае нужды. Но братьев нет, а значит, ей самой придется искать выход. Эльф не могла отрицать, что испытывает приятное волнение. Ее братья и глазом бы не моргнули, столкнись, к примеру, Шон с подобными проблемами. Нет никаких оснований считать, что у нее меньше способностей.

Эльф отпустила лакея и пошла по коридору в заднюю часть дома, где находилась главная контора, предназначенная для ведения всех дел, касавшихся владений маркиза. Она открыла дверь и вошла в комнату.

Многие очень удивились бы, знай они, насколько деловыми были Маллораны. В обществе считали, что состояние семьи и власть, которой она обладает, растут благодаря удаче и поддержке правительства. На самом деле и то и другое – результат упорного труда всех ее членов.

Вернее, почти всех. И это тоже терзало Эльф в последнее время. Она занималась в основном домашними делами своего старшего брата – таков удел любой незамужней сестры, засидевшейся в девицах. Ей никогда не предлагали принять участие в настоящих деловых предприятиях. Неужели девушка не способна самостоятельно управлять собственностью, решать финансовые вопросы, касающиеся возможных капиталовложений, или быть в курсе, принимаемых законов?

Постаравшись на время забыть о своих обидах, она улыбнулась четверем мужчинам, работавшим за заваленными бумагами столами. Три клерка кивнули ей головой в знак приветствия и вернулись к прерванной работе. Четвертый встал, выражая готовность помочь.

Эльф жестом руки позволила ему сесть и прошла в другую комнату, где два бухгалтера и два счетовода корпели над конторскими книгами. Один из них вопросительно взглянул на нее, и девушка опять дала понять, что он не тот, кто ей нужен. Эльф открыла дверь в следующую комнату, которую занимал Джозеф Грейндер, молодой, но весьма одаренный законник.

За этой комнатой располагался кабинет ее братьев, в данный момент пустовавший. Грейндер был служащим самого высокого ранга, к которому она могла обратиться за помощью, но он оставался слугой, и ей приходилось быть осмотрительной.

– Леди Эльфлед, – произнес, вставая, жилистый мужчина с темными волосами, – чем могу быть полезен? – Как всегда, он был одет в опрятный костюм из простой темной ткани со скромной полоской кружев на воротнике и манжетах. Эльф села на стул.

– Мне необходимо послать сообщения моим братьям, мистер Грейндер.

– Всем? – он вопросительно приподнял брови, – я сделаю необходимые распоряжения.

– Благодарю вас. Это, конечно, не касается Шона. Думаю, он уже отплывает. Но я хотела бы перехватить маркиза до того, как он пересечет Ла-Манш.

– Не уверен, что это возможно, миледи. Возникли проблемы?

– Незначительные, – уклончиво ответила Эльф, зная, что он ей все равно не верит. – Полагаю, Брайт в Кенделфорде?

– Боюсь, что нет, миледи. Мне передали, он уехал в Ворчестершир. Появилась возможность приобрести кое-что из картин Тициана.

– Вот незадача! – Эльф рассчитывала, что хоть один из ее братьев придет не позднее чем через день. – А мы не можем узнать, куда он направляется?

– К сэру Гарри Паркеру, но сказал, что, возможно, будет добираться туда морским путем.

– А Бранд путешествует по северу страны. Как неучтиво с их стороны, если не сказать больше!

– Может быть, я смогу вам помочь, миледи?

Эльф испытывала искушение принять его предложение, так как он был очень умен, но понимала, что этого делать нельзя.

– Не сейчас, благодарю вас. – Изобразив застенчивую улыбку, она добавила:

– Это личное дело. – Вот так, надо ослабить его интерес. – Пожалуйста, разошлите им сообщение с просьбой вернуться как можно скорее, мистер Грейндер.

– Непременно, миледи.

Он улыбнулся снисходительно, явно считая, что леди ведет себя глупо. Эльф сдержала порыв осадить его в духе истинного Маллорана.

– Могу ли я сделать что-нибудь еще, миледи?

– Да. – Для Эльф наступил самый щекотливый момент. У Ротгара было множество слуг – маркиз требовал отличного и неукоснительного обслуживания в любое время. Кроме того, некоторые поручения предписывали проявление особых качеств и даже таланта.

– Мне нужно несколько человек для наблюдения за лордом Уолгрейвом.

– Неужели, миледи? – Его брови приподнялись. – И за чем же они будут наблюдать?

– За всем, выходящим за рамки обычного.

Его лицо скривилось от сдерживаемого смеха.

– Разумеется, я позабочусь об этом. Вы хотели бы видеть отчеты?

Стиснув зубы, она бросила на него взгляд Маллоранов, правда, несколько смягчив его.

– Отчеты будут предназначены только мне, мистер Грейндер. Вам вообще не стоит вникать в это дело.

– Миледи...

– Стали бы вы подвергать сомнению приказы моих братьев?

Краска выступила у него на щеках. Он был крайне раздражен.

– Ваши братья рассчитывают, что я позабочусь о вас...

Эльф встала, гордо выпрямившись.

– Нет необходимости заботиться обо мне. Я беру всю ответственность на себя, мистер Грейндер, и собираюсь обсудить этот вопрос с моими братьями, когда они вернутся. Вы будете выполнять мои распоряжения, или мне придется и это обсудить с ними?

Он поднялся, поджав губы, с выражением чрезмерного неодобрения на лице.

– Я попросил бы, миледи, изложить ваши указания в письменном виде.

Эльф шумно втянула воздух.

– Вы считаете меня способной солгать и свалить все на вас?

Ясно, что он так и подумал.

– Бумагу, – отрывисто бросила она.

Тот почтительно протянул ей чистый лист. Видимо, все же признал в ней одну из Маллоранов. Давно пора. Присев, девушка быстро набросала распоряжения и, вздохнув, поставила подпись и дату.

– Пожалуйста, мистер Грейндер. Пришлите подходящих людей ко мне в кабинет, я сама проинструктирую их.

– Слушаюсь, миледи.

Эльф уже была в дверях, когда услышала:

– Миледи...

Она обернулась, готовая к новой схватке:

– Да?

– В Уолгрейв-Хаусе уже есть двое наших людей.

Гнев Эльф пошел на убыль.

– Какая беспечность со стороны лорда.

– Они там со времен старого графа. Мне связаться с ними?

Эльф на минуту встревожилась: они могли видеть ее, но тут же успокоилась – ведь там была Лизетт...

– Попросите их явиться ко мне с докладом в дом леди Лессингтон. Я хотела бы поговорить с ними. – Так как он пошел на уступки, она тоже решила сделать шаг навстречу. – Благодарю вас, мистер Грейндер.

Во внутреннем кабинете, куда обычно не входил никто, кроме ее братьев – Брайта и Ротгара, Эльф вышагивала вокруг изысканного резного стола и больших удобных кресел, стараясь унять раздражение, вызванное поведением Грейндера и своим собственным.

Она не вправе сердиться на Грейндера, справедливо полагающего, что ее интересы не выходят за пределы мебелировки, питания и слуг. Решив так, девушка несколько успокоилась, вдруг увидев все в другом свете. Бедный Грейндер, вероятно, пришел в ужас. Если Ротгар, вернувшись, обнаружит, что его сестра пострадала, в лучшем случае Джозефу Грейндеру грозит потеря должности и занимаемого положения. Все это не вызывало у Эльф возмущения – Ротгар повел бы себя столь же непреклонно, случись несчастье с одним из его братьев. Он исключительно предан своим близким.

Взглянув на картину над камином, она улыбнулась. Это был эскиз, выполненный углем, для парадного портрета ее брата. Маркиз любил повторять, что на рисунке схвачены его худшие черты, и художник польстил ему, написав портрет.

Эльф так бы не сказала. Но рисунок действительно подчеркивал свойственную ее брату суровость. Темноволосый и худощавый, он, казалось, взирает на мир со всезнающим и всевидящим выражением. Свободные редкие штрихи, оставленные углем, не могут отразить широту его души и придают ему холодный, надменный вид. Почти дьявол!

Но чертовски красивый дьявол, как заметил Шон, впервые увидев портрет.

Иногда Ротгар казался всезнающим и всевидящим даже членам своей семьи, но они знали, какая горячая привязанность скрывается за властным видом. Если он и стал неприступным и могущественным, то только для того, чтобы защитить их.

В большинстве благородных семей младшие дети должны сами пробивать себе дорогу в жизни. Ротгар, унаследовав титул маркиза в девятнадцать лет, поставил себе цель добиться могущества и богатства, чтобы щедро обеспечить их всех. Это наверняка связано с трагедией, постигшей его мать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.